

Неудачник Кирдяпа

Вася сидел в юрте и негодовал. Почему даже его, сына великого князя Московского, не выпускают на прогулку? Возле входа в юрту в малахаях и полосатых халатах, скрывающих кольчуги, стоят два стражника, злые, как цепные псы, и грубо толкают назад княжича, если он высунет наружу голову. Нукеры вооружены до зубов. К чему бы такое?

— Почему озверели нукеры? Что случилось? — много раз спрашивали Васятка своего дядьку Ивашку.

Тот или отмалчивался, отводя взгляд от отрока, или беспомощно разводил руками.

— Я же вижу, знаешь, но не говоришь!

Если бы не наказ отца — почитать боярина Ивана по прозванию Быстров как его самого, во всём слушаться, получил бы сейчас на орехи. Образ отца тускнел в годах, как никак минуло три лета с тех пор, как он в последний раз видел и слышал великого князя. Этот наказ же часто оживал в устах протоирея Алексея, духовного наставника и учителя. Да и сам Ивашка иногда вспоминал минуты расставания и последнее напутствие Дмитрия Ивановича, находящегося в те дни в Орде с сыном — наследником престола, оставляя Василия, по требованию хана, в неволе в качестве заложника. Как же тут послушаться батюшку? Его око незримо присутствует здесь через Ивашкины плоть и ум, через слово святого отца, через благословения и молитвы.

— Будем ждать смиренно Господней милости да известий от царевича, — успокаивал нетерпение княжича Ивашка.

Княжичу шёл пятнадцатый год, в его русских синих глазах можно было прочесть гнев и раздражение, что указывало на гораздо старший возраст и перенесённые лишения, одновременно подчёркивая закалённые дух и волю, крепость характера. Васятка — среднего роста. Его фигура не до конца сформировалась, казалась ломкой, но набирала силу. Руки обладали цепкой хваткой, а ноги — неутомимостью в движении. Редко стриженные волосы ниспадали пшеничным водопадом, достигали плеч. Василий носил атласные шаровары, такой же кафтан и красные сапоги. Каргуз редко покрывал его голову.

Дядька Иван был зрелый муж, широкоплеч, мускулистая грудь выпирала из-под кафтана, словно

одетая в доспехи. В отличие от княжича, боярин часто стриг белобрысые волосы, чёрную густую бороду и усы. Широко расставленные глаза были настолько наблюдательными, что, казалось, в них выражен весь характер этого сильного, но остророжного человека. Между тем во время беседы они указывали на глубокий ум, глубокую преданность служению великому князю или, наоборот, ненависть к врагам его. Не уживалась в них только покорность, хотя часто боярину приходилось выражать её словами и поклоном перед ханом или его наместником-царевичем. Княжич знал о таком состоянии своего учителя и возражал ему, когда тот учил отрока притворному поведению с повелителями.

— Ты держи в уме свою линию всегда, но действуй с хитростью, никогда не выказывай перед врагом свои истинные намерения. Иначе пропадёшь. Быть таким велит твоя неволя, унижения, а больше всего — будущее великое княжение на святой Руси.

Отрок впитывал слова боярина, как сухой песок воду. Он уже понимал, насколько тяжёло для Руси могольско-татарский хомут, насколько кроваво полосует русские спины татарский многохвостный бич, насколько разорительны бесчисленные набеги степняков на русские города и веси.

Вася не выдержал тяжкого заточения в юрте. Лишь до его слуха долетел глухой и отдалённый, как гром, дикий крик конных нукеров, встрепенулся. С каждой секундой вопли разрастались, и отрок выскочил из юрты. Стражники сами вслушивались в голоса своих собратьев и не успели втолкнуть назад Васятку, но схватили его за руки. Следом вылетел Ивашка. Нукеры скрестили перед ним копыя.

Солнце склонилось к горизонту и окрасило облака кровью. Этот отблеск пожаром исполосовал поднятую всадниками пыль на окраине русского улуса, и рыжие султаны её от сотен копыт двигались к центру. Стражники первыми услышали и увидели орущую сотню всадников. На их лицах заиграли злые, мстительные усмешки. Впереди орды, понуждаемые плетьюми, бежали несколько мужиков с колодками на шее. Среди них Вася, к ужасу своему, увидел Василия Кирдяпу — сына великого Суздальско-Нижегородского князя. Самого старшего из четверых княжичей — заложников хана Тохтамышя.

После разорения Москвы Тохтамышем через два года после Куликовской битвы, принёсшей, казалось бы, падение ордынского ига, хан потребовал от великих князей прислать в Золотую Орду своих сыновей в залог того, что каждый будет вести себя смиренно, исправно платить дань — иначе наследник никогда не вернётся домой или будет умерщвлён. Сказывали люди, что к пожару и разорению Москвы косвенно причастен Василий Кирдяпа вместе с младшим братом. Столица к тому времени была обнесена каменной стеной с бойницами. На стенах — арбалеты и первые тюфяки (пушки). Крепость считалась неприступной. О вторжении в русские земли орды Тохтамыша великому князю Московскому Дмитрию, прозванному Донским, донесли вершники загода. Князь призвал москвичей к обороне. Москва, понёсшая громадный урон в людях во время Куликовской битвы, не смогла поставить на стены с оружием достаточно ратников. Оставив за себя митрополита Киприана, а также в граде свою семью, Дмитрий Иванович сначала с небольшим ополчением пошёл на берег Оки, чтобы упредить набег. Но не заладилось в походе что-то; скорее всего, засомневались князья и бояре в своей силе: мол, не устоять против ордынской великой тьмы. Среди них, по словам летописца, возникла распря, и Дмитрий распустил воинство: «Не ста на бой противу царя, не поднял противу его руки, и силу розпустил, уразумев бо во князях и боярах своих и в всех воинствах своих разньство и распрю, ещё же оскудение воинства...»

Да, воинство было не такое великое, какое собралось против Мамаю. Всюду сказывался большой урон в людях после битвы, хотя и победной; не успели московские ратные силы восстановиться за эти два года. Идти же в бой с таким настроением — проиграть сражение. И Дмитрий Иванович отправился в Кострому поднимать полки. Он надеялся, что москвичи выдержат осаду в неприступном Кремле, тем временем он подойдёт с севера, а рать Владимира Серпуховского, прозванного Храбрым, ударит с запада от Волока Ламского.

Расчёты великого князя на этот раз не оправдались. Лучше бы он с ополчением не выходил из Москвы, не передоверялся на Киприана. В Москве находились мастеровые люди, купцы и посадский люд, крестьяне, хлынувшие в град. Какие с них вояки? Разнеслось роптание: мол, жили мирно до Куликова поля, зачем ввязались в драку, лучше платить дань. И всё же нашёлся среди них князь Остей, внук Ольгердов, и встал во главе обороны.

После трёхдневной осады Кремля враг отступился и пошёл на хитрость. Хан выслал свиту для переговоров. Среди ханских вельмож находились сыновья Дмитрия Константиновича Нижегородского. Тохтамыш просил доблестных защитников сложить оружие и впустить его с миром. Де он никого не тронет, коль в Кремле нет

самого Дмитрия Ивановича. Ему нужен великий князь, чтобы обсудить дальнейшую жизнь и отношения с Золотой Ордой, которую возглавляет теперь он, Тохтамыш. Поручкой тому сыновья великого Суздальско-Нижегородского князя. Их именами хан клянётся миловать покорившихся москвичей. Был ли дан наказ от отца сыновьям-отрокам во всём слушаться хана, ибо в его воле и они — дети, наследники престола, и сам он, как и всё великое Суздальско-Нижегородское княжество, по которому уже пронёсся смертельный тохтамышевский смерч? А может, отроки были уstraшены в походе самим ханом? Одному Богу известно. Доподлинно то, что не вылетели из груди Василия Кирдяпы слова не верить врагу, а нашлось клятвенное подтверждение благих намерений хана. Не нам судить малолетку. Веками скрыта эта тайна. Судить надо о другом. Увидев в свите русских князей, сомневающиеся в благих намерениях хана защитники Кремля дрогнули и поверили. Почему? Оставленные без испытанного воеводы, брошенные митрополитом Киприаном, бежавшим в Тверь вместе с великой княгиней и детьми, люди предательски смалодушничают? Так или иначе, открыли ворота. С хлебом и солью, с крестами и святыми хоругвями вышли безоружные москвичи — и пали под мечами супостата.

Разве можно верить врагу?! Коварство его многожды испытывали на своей шкуре русичи со времён Батыева разорения. Нет, не пошли уроки впрок. Сожжена Москва, побиты люди, разграблена великокняжеская казна. Взят многочисленный полон.

Оттого сдержанно вели себя люди в ордынском стане князя Василия Дмитриевича по отношению к нижегородским собратьям, нёсшим такую же участь — заложников. Мало общались не из боязни нарушить запрет — не велела свежая память.

Первым не выдержал неволю суздальско-нижегородский наследник. Подбил своих телохранителей на побег. И ударились ночью. Вышли к Волге, сели в лёгкое судно и пошли под парусами и вёслами вверх по реке. Да не повезло беглецам. На их беду, спускался в Сарай на судах ханский мурза, посланник. Увидел незнакомое судно, остановил, обыскал. Схватил княжича, его дядьку и всех, кто был с ним. Колодки на шею — и под бичами назад.

Не будет пощады беглецам. Заточили в ямы всех участников, Василия Кирдяпу посадили под надёжную охрану, послали гонца в Нижний Новгород с вестью о вине княжеского сына, с требованием большой казны за его жизнь.

Приуныли Васятка, дядька Ивашка, протоирей Алексей и вся иная челядь. Стали ждать гнева царевича, а за ним хана. Каков будет он? Усилят охрану — как пить дать. Не шелохнёшься в юрте, не выйдешь свободно на прогулку по улусу. Гадали всякое.

Но не ожидали такого. Всех русских заложников, торговых московских людей, коих богато было на

рынках Сарая со своими товарами, иностранных купцов—согнали на площадь перед ханским дворцом, отделанным мрамором разных расцветок, цветными византийскими стёклами окон, с золочеными шпилями и полумесяцами. На высоком крыльце, на сверкающем золотом троне, будто бы привезённом из Каракорума, на котором восседал сам повелитель Вселенной, теперь сидел хан Тохтамыш. У него приятное, даже красивое лицо с лёгкими признаками жёлтой расы. Борода аккуратно стрижена, узкие усы, хорошо сочетающиеся с его прямым носом и чёрными, вразлёт, бровями.

На площади народу не протолкнуться. Свита хана—в дорогах, расшитых серебром и золотом халатах, в фетровых белоснежных малахаях. Кинжалы и сабли—в ножнах, изукрашенных чеканкой генуэзских мастеров. Дальше—публика беднее, говорливее, с жадным любопытством кровавого зрелища.

На лобное место вывели истерзанных в пытках беглецов с колодками на шее. Дознавались: откуда шёл наказ на побег? Не от самого ли князя Дмитрия Константиновича? Измождённые, они едва стояли на ногах. Помилван был только Василий Кирдяпа. Хан знал: за милость к княжичу получит богатую казну. И она доставлена нарочными гонцами с грамотой князя. В ней он просил пощадить отрока, решившегося на побег. Согласия на такую шкоту великий князь не давал. Он верит в ханскую милость, которую повелитель проявит с помощью богатых подарков и рано или поздно вернёт сына домой.

Хан пощадил Василия. Остальные беглецы были казнены на глазах у многочисленной толпы. Глашатай огласил указ хана:

«Великий повелитель Золотой Орды отвечает за жизнь княжичей перед своими данниками. И чтобы они больше не помышляли о побеге, сослать всех в заяцкие владения. Стражу усилить».

Ещё дальше от родины

Перед юртой князя Василия долго бесновался на разряженном аргамаке посланник хана Тохтамыш. Пена слетала с губ лошади, чалый жеребец плясал под наездником, задрав высоко голову от натянутых удил. Из глотки посланника вылетали бранные слова в адрес урусов вперемешку с восхвалением великого повелителя и его мудрого решения. Ивашка с понишкой головой слушал хмуро. Протоирей обносил себя крестным знаменем. Княжич Василий стоял с гордо поднятой головой. Шёл ему уже пятнадцатый год, а прибыл сюда одиннадцатилетним пугливым мальчиком,

хилым и низкорослым. Теперь он заметно подрос, раздался в плечах. В его светлых глазах сверкала скорее ненависть к ордынцам, чем покорность. Это радовало Ивашку, но одновременно и пугало: татары не любили строптивых, учиняли за такими двойной надзор, что в конечном счёте не входило в планы дядьки, с которыми он прибыл сюда по наказу самого великого князя Дмитрия Ивановича Донского.

Наконец посланник умолк, давая толмачу время донести гнев хана и его волю.

— Великий повелитель Золотой Орды шибко гневается побегом Кирдяпы. Его гнев вы узрели на лобном месте. Сына великого князя Московского со всем урусским улусом хан отправляет в заяцкие степи Синея Орды. Оттуда никто не сможет бежать. Кирдяпу там он посадит в яму.

— Князь Василий—отрок послушный. Он покорен воле великого хана и будет у него на бережении, сколько пожелает повелитель,—ответил дядька Ивашка.—Тому порукой буду я—стременной самого великого князя Дмитрия Ивановича.

— Снимайте юрты, отсыпьте казну за вьючных верблюдов. Кто не встанет в караван к вечеру, тому сломают хребет,—прокричал посланник напоследок, и не успел толмач перевести его слова, как он тронул аргамака, который взбил копытами дорожную пыль.

Появились погонщики верблюдов, предлагая свои услуги. Брали дорого, зная нужду русских. Ничего не оставалось, как заплатить назначенное и собраться в далёкий и неведомый путь.

— Торопись, братья, хан на ветер слов не бросает,—говорил Ивашка своим мужикам, а Василию шепнул:—Если ночью пойдём, примечать путь надобно по звёздам.

— Чем же такая примета нам поможет?

— Поможет. Дай срок, тронемся в путь—всё выложу, сейчас же недосуг.

Караван вечером стоял на краю Сарая, готовый в путь. Но погонщики не спешили оторваться от очагов в ночь. Пили чай, сидя на коврах, расстеленных на земле, ели курт¹. Ждали, когда напреет в котлах баранина, купленная у местных торговцев на серебро. Верблюды лежали тут же с вьюками на спинах, медленно двигая челюстями, перетирая жвачку. Ивашка радовался: на рассвете тронется караван, останутся в памяти приметы пути. Погонщики тоже люди: колы выпало счастье взять хороший куш, урывают спокойные часы, насыщаются бесбармаком², запивая жирную отрыжку кумысом. Потом каждый ляжет там, где сидел, всласть выпится перед далёким переходом.

Ивашка слышал о реке Яик³, бурной и многоводной. Стекает она якобы с гор Уральских, богатых тайгой и пушным зверем. Пойдёт караван степями ковыльными, степью безводною. Будто потом верблюжья тропа будет долго виться вдоль Яика,

1. Курт—сухой подсолонный сыр комочками.

2. Бесбармак—хорошо проваренная баранина, мясо берут пятью пальцами.

3. Яик—река Урал.

словно татарский волосатый аркан, что насмерть вяжет пленника. Не аркан смущал Ивашку: степь, пустынная, широкая и незнакомая, может повязать крепче волосаной путы, на что и рассчитывал хан Тохтамыш, угоняя заложников в неведомую даль.

Караван поднялся с рассветом, с первыми протяжными и звонкими криками муэдзинов с мечетей. Погонщики, расстелив коврики, упали на колени, припадая к земле в молитве. Воздав хвалу Аллаху, погонщики подняли на ноги верблюдов, напоили их из деревянных колод, и караван тронулся в путь. Ивашка для князя и себя взял рослого двугорбого верблюда, на его спине была приторочена клеть для двух путешественников. Раскачиваясь в мерном шаге животного, дядька продолжил прерванный накануне разговор. Слова его никто посторонний не слышал.

— Будем скрытно жить, князь. Враг наш хитёр и коварен. Но и мы станем на ус мотать горькую долю да свою нить тянуть. Я тебе, Васятка, уже говорил о скрытности. Ты видел урок Кирдяпы, понял: на рожон лезть—бессмыслица. Вот и прошу тебя не показывать свои силушку, прыть и здоровье. Будь на людях нескладным, хилым да.bestолковым. Такой человек не отважится на побег. Притушится слезка за нами, а мы скрытно будем готовиться. Да так, чтобы никто не догадывался, даже протоирей Алексей. Дорога в неволю у нас дальняя, всё обскажу, как замыслено с твоим батюшкой. Помни: силу хитростью возьмём.

— Помню, батюшка говаривал: хитрость—хитростью берёт, сила—силу ломит.

— Вот-вот, сердешный, не тот победитель, кто бахвальством удал, а тот, кто ум и сноровку в деле проявил. Предстоит нам в тайне многое содеять. Выносливость надобно крепить, силу копить в ногах и руках, стрелу в цель класть, мечом биться. Всему буду учить, чем сам владею.

— Да как же от людского глаза схорониться по твоей задумке?

— На новом месте разберёмся. Первое, самое неприятное душе,—лстить научиться не только мурзе, под чьей рукой будем, но и нукерам.

— Как можно преклонять голову низкородному нукеру?!—возмутился Василий.

— Трудно, но знай: волю великого князя, отца твоего, исполнять будем. Его слово и воля равны Божиим. Научу, как верную дорогу в лесу выбрать, в широкой степи отыскать верный путь. И днём, и ночью. Вот этой мудростью займёмся прямо здесь, в басурманском кошеле.

Караван растянулся на добрую сотню сажен. В пойме Волги караванная тропа пролегла то меж зарослей белого ивняка, то вдоль пепельных зарослей в лощинах, где подолгу весной держится полая вода, а летом собирает дождевые потоки. Но скоро под ноги легла пёстрая разнотравьем бескрайняя и безлюдная степь с песчаными и солончаковыми

плешинами. Попадались болотистые низины с камышом и розогом, всё с той же разлапистой ивой. И вновь суходолы с типчаком, пушистым метликом да серебристыми метёлками ковыля.

— Гляди, Василий, метёлки ковыля клонятся вдоль нашего пути. Солнцу кланяются. Его принуждают к тому ветры, что дуют с заката ярила. Наша там сторона, туда нам, если Бог даст, обратный и опасный путь ляжет. Вот и примечай, как нос держать против ветру, против поклона ковыля. Только тогда путь можно сменить поперёк ветру, когда Дон-река за спиной останется. Встанешь в полдень так, чтоб блин светила тебе затылок грел, и шагай вперёд, намечай правильный путь. По полудню ярило тебе в левое ухо должно заглядывать да нащёптывать, куда стопы направлять. А направлять надобно так, чтоб к вечеру оно в лицо тебе брызгало. По-иному будет—знать, сбился, не туда прёшь. Не в русские земли.

Ивашка умолк, всматриваясь в светлые глаза подопечного князя, пытаясь понять, дошли до сердца его слова или пропущены меж ушей. Горели они огнём интереса к познаниям и тревоги за будущее. Не мал уже княжич, батюшка его, великий князь, в эти годы управлял уж княжеством. Перестал кланяться ханам Золотой Орды, которых на его памяти в годы Великой замятни⁴ сменилось с полдюжины, и дань прежнюю не слал.

Будет с них. Обретает русская земля силы, собраны в единый двор многие княжества, даже упрямая Тверь покорилась, отдала ярлык на владение великим княжеством Владимирским, не без брани и упорства, но отдала. Мамай, новый властитель Орды, признал Дмитрия Ивановича, сына Красного, великим князем.

— Мудрёна твоя наука, Ивашка, да запомню наставление.

— Верно, непросто в широкой степи или в дремучем лесу верный путь выбрать. Ну да наживное это дело. Не раз вернёмся к этой науке. На привале поиграем, на месте, как прибудем, испробуем: усели мои слова в голове и сердце или нет? Повторим, коль нет.

— А как же ночью быть?

— Трудно, но и тут выход есть. Небо звёздное путь укажет. Большой звёздный Ковш отыщи. Знаешь его. Ручка его в сторону захода солнца кажет, а дно Ковша—на нашу сторонку, на землю русскую, северную. Утром Ковш опрокидывается, выливает рассвет на землю. Стало быть, пасть Ковша в басурманскую сторону смотрит, в эту, по которой мы с тобой движемся.

— А стенка крайняя Ковша в нашу сторону ложится, ручка указывает на тёплые заморские страны,—молвил Васятка.

.....

4. Замятня—раздор в Орде, убийство ханов-чингизидов соперниками, частая смена ханов.

— Верно. Ну а в лесу дремучем только верный и тонкий глаз определил свою сторонку по кроне дерева. С нашей, северной, стороны она чуть короче, с тёплой, что напротив,—богаче. Ветви длиннее, особенно у ёлки заметно. Вот и становись лицом в свою сторону. Слева заход солнца, справа—восход. Там басурмания. А ещё приглядывайся: узришь на пихте, ели мох или лишай—знать, северная то сторона, нашенская.

— Волга да Дон в тёплые страны текут,—сказал Василий.

— Туда, князь. Только нам по Волге и Дону не подняться. Людные дороги, схватят, как Кирдяпу. У нас ляжет иной путь, на закат солнца. Просторы там дикие, неохватные. Много сил потребуется, сноровки, хитрости. Да с нами Бог, справимся.

Справа от каравана с гиканьем пронеслись галопом татарские воины, сопровождавшие путников. На привалах они располагались чуть поодаль княжеских костров, на которых варили мясо баранов с кониной, кипятили воду на чай. В степи, хоть и бескрайней, беспокойно. Свои же улусники могут налететь на караван. Разграбят, а вину свалят на отряды хромого Тамерлана, покровителя Тохтамыша. Самаркандский воитель уж многие земли подчинил себе. Теперь, слышно, на Иран нацелился, на Закавказье. С этими землями и народами Золотая Орда ведёт непрерывную торговлю. На Кавказе многие народы—данники после походов Чингисхана и Батые. Их-то Тамерлан грозитя покорить сам и раздать своим сыновьям. Золотую Орду, слышно, воевать не собирается. Но оскорбительна сама мысль для золотоордынцев: может ли кто покуситься на великие завоевания покорителя Вселенной? Не проучить ли нам строптивца? И будто бы собирается повелитель Тохтамыш пойти набегом на Закавказье. Ивашку такие слухи радуют. Новая замятня на руку. Не до пленников будет мурзам, царевичам и великому хану. Только бы не угодить, если начнётся большая свара, в руки Хромого. Ещё дальше тогда забросит судьба от родного Междуречья.

Нетрудно было догадаться по возгласам воинов, уж изучили заложники татарский язык: впереди обозначилась пойма реки Яик. Пошёл отряд на разведку: нет ли в прибрежных зарослях у переправы вражеской засады?

— Знать, покрыли две сотни да пятьдесят вёрст⁵,—сказал удручённо Ивашка.— Много придётся киселя хлебать, если удастся утечь из-под руки ханских стражников.

Ивашку посетило уныние

Заяцкие просторы пугали Ивашку своей обширностью, безлесьем и дикостью. Их поселили в

большом ауле, близ озера. Юрты князей раскидали в разные стороны. Князя Василия разместили едва ли не в центре, чтобы глаз на него ложился всякий раз. Задумался Ивашка. В Сарае тайные люди великого князя ходили купцами с караванами, торговали на базарах. Часто прибывали посланники Дмитрия Ивановича то с данью, то с делами по жизнеустройству. Весть подать было кому. Теперь же, отброшенными на восток на десяток дней пути конного вершника, как о себе замолвить? Когда подвернётся удобный случай к побегу? Через такие пространства с голодным желудком не пройдёшь, а кто накормит, кто подсобит в пути, харчей припасёт? Прежние утайки на Волге, Дону, у которых оговаривали с Дмитрием Ивановичем, так и остались. Сидят там люди, ждут, бдят. До тех мест добраться—пуд соли съесть. Искать руку надо теперь среди погонщиков, себром задабривая да посулами о хорошей казне после дела. Но боязно с местными связываться. Уж больно ненадёжные люди, падкие на серебро. Выболтать могут тайну, а то и продать подороже.

Надёжа всё-таки есть. Успел во время сборов предупредить своего человека в Сарае о переселении Василия и остальных сыновей великих князей: Василия Кирдяпы—Нижегородского, Александра—Тверского, Родослава—Рязанского. Ушла весть в Москву, сомнений нет, но когда ответная придёт? Несколько лун минет. Придётся терпеливо ждать и готовить княжича к дальнему пешему переходу.

— Почему же пешком?—недоумевал Василий.— Неужто на лошадей у тебя серебра не сыщется? —Серебро есть, казна не оскудела. Однако всадник за версту виден в чистом поле, а пеший не так приметен. В любую минуту может схорониться от зоркого глаза. Потому-то долгому бегу тебя обучаю. — Я на ногу лёгко.

— Не спорю, резвый. Пойдём звериными тропами, только орёл сможет нас увидеть. А где и в бег придётся удариться. Сможешь ли ты покрыть зараз двадцать вёрст? Нет. Ноги подкосятся, упадёшь с хрипами в груди, как лошадь загнанная. Будем много бегать, Вася, вместе, учиться выносливости. Она нам жизни спасёт.

— Я не против. Только какой прок в юрте упражняться, на месте толочься, как ты велишь? Этак я могу полдня протягаться. Надо в степь, а нас от юрт на шаг не отпускают.

— Исхитрimsя. Мурзу Баршу задобрим, на охоту будем проситься, в озере покупаться.

Ивашка вынул деревянные сабли из сундука, бросил одну княжичу. Тот ловко её поймал, и начался урок фехтования. Василий неумело, но азартно отражал удары Ивашки. Наставник терпеливо показывал приёмы боя.

— Рука у тебя слаба. Возьмёшь в руки настоящую саблю—вовсе быстро сникнешь. Тяжести надобно

5. Две сотни да пятьдесят вёрст—в старину русские к целому числу прибавляли остаток.

поднимать, мышцы накачивать. Нападай теперь ты.

Василий стал теснить Ивашку, тот умело отбивал удары. На шум в юрту заглянул стражник. Ивашка предусмотрел такой поворот. Прямой вход был прикрыт плетённым из ивы щитом, и свет с улицы падал на правую сторону юрты, давая возможность заметить нукерову подглядку и бросить сабли на пол, изобразить какое-нибудь баловство.

Разгорячённые схваткой княжич с Ивашкой так и поступили. Василий прыгнул на дядьку, показывая борьбу. Нукер остановился у входа, сказал: — Сын мурзы Ахмедка любит монгольскую борьбу и легко победит князя.

— Легко похвалиться, — ответил Василий. — Пусть позовёт меня на поединок.

— Я передам мурзе и Ахмедке, — ответил стражник и получил от Ивашки серебряную монету.

— От скуки извёлся княжич. Сделай милость, Рахим.

Стражник пообещал и вышел.

— При нём мы можем свободно драться, — сказал Василий.

— Поостережёмся. Борьба — одно дело, а обучение бою на саблях, стрельба из лука — совсем другое. Ненадёжный они народ. Возьмёт да продаст нашу тайну мурзе. Хитрый и коварный народ. Сколько бед от него натерпелись. Хватит. И ты впредь никогда не бери за веру слова, а только дела. Тебе управлять Русью после отца, познавай здесь всю науку этого коварства, сам будь хитёр и осторожен. Иначе любая промашка большой кровью обольётся. Приступим к бою. Защищайся!

Схватка

Сын мурзы Ахмед был рослый и плечистый. По всему видно, старше Василия на год. Он снисходительно улыбался своему противнику. На нём сапоги, расшитые орнаментом, носки загнуты, на бёдрах короткие атласные трусы с крепким поясом, за который противник может ухватиться, попробовать оторвать борца от земли и бросить на землю. На плечах короткая рубашка-распашонка из крепкой атласной ткани с открытой грудью. На пояснице туго затянутый широкий кушак. Ахмед среди своих сверстников носил титул арслана — победителя в девяти турах.

Василий тоже одет в национальный монгольский борцовский костюм. У каждого борца свой секундант — засуул. На них красочные халаты, остроконечные шляпы на голове. Судьи очень подвижны и зорки. Победу присуждают тому, кто принудит соперника опереться о землю одновременно третьей частью тела.

Василий видел подобные схватки в Сарае на осеннем празднике Надым. Они ему не понравились — слишком всё упрощённо. Соперники могут, ухватив друг друга за руки, за пояс штанов,

ходить по кругу долго, упираясь голова в голову, подлавливая и делая неожиданный резкий рывок с целью повалить. Сделать это очень трудно, азарт к схватке пропадает.

Ивашка тоже наблюдал борьбу. Что-то посоветовать княжичу не мог. Не знал тонкостей схватки. Единственное, борец должен быть силён физически. У Василия силы пока слабые. Вот и нужны постоянные упражнения. Наставник надеялся получить поддержку сына мурзы и открыто качать мышцы.

Василий выглядел менее внушительно. Зрители улюлюкали. Их собралось много на поляне за аулом. Окружили кольцом место схватки, одеты в лёгкие халаты и сапоги. За их спинами в котлах варилась конина и баранина, чтобы отпраздновать победу Ахмеда над русским княжичем. Ивашка велел не обращать внимания на крики и продержаться хотя бы минуту. Василий оказался цепким борцом. Ухватившись руками за пояс и приняв почти горизонтальную позу туловища, княжич беспрерывно двигался, сбивая противника с настроев на силовой приём. Даже сам пытался сдёрнуть соперника с устойчивой стойки. Ему удалось закружить Ахмеда, заставить балансировать на одной ноге и коснуться рукой земли. На победу сил не хватило.

Возглас одобрения вырвался у зрителей. Схватка обещала быть жаркой. Всё же противник был сильнее и опытнее, изловчившись, принудил Василия упасть на колено. Победа была полная. Ахмед возликовал, поднял правую руку, а княжич прошёл под ней, признавая своё поражение. Победитель исполнил танец орла. Раскинув руки по сторонам, он прошёлся, приплясывая, по месту поединка. — Приходи ко мне бороться, — пригласил Ахмед князя. — У меня нет достойного соперника. Ты будешь.

Василий принял приглашение. Через час вместе с дядькой Иваном он сидел на ковре перед достарханом, пил чай с козым молоком и ел сыр. За трапезой договорились поохотиться на уток и гусей, которые гнездились в камышах и рогозе на дальнем конце озера.

Покровительство достигнуто. Ивашка был очень доволен. Теперь можно обучить князя не только борьбе, но стрельбе из лука, плавать, драться на саблях, владеть копьём, упражняться в беге по буеракам. На одной из охот Ахмед поведал Василию, что уходит с отрядом отборных нукеров родового аула в войско хана Тохтамышша. Повелитель собрался идти на хромого Тимура, чтобы защитить завоевания покорителя Вселенной в Тебризе.

Это известие подтвердилось оживлением в ауле, хлопотами в сборе отряда всадников с запасными лошадьми. Из разных сторон степи в аул прибывали всадники с косяками лошадей. Ивану такое обилие говорило о многом: не безлюдная степь заяицкая, много в ней стоянок

скотоводов-кочевников. В побеге, если Бог даст, придётся остерегаться встречи с ними. Но можно и пользу извлечь...

Ахмед показал Василию трёх степных рысаков. Волос на них лоснился, что говорило о сытости жеребцов и кобылы. На таких скакунах, выносливых и справных, войско пойдёт быстрее ветра. Кроме верховых лошадей, отряд получил косяк молодых жеребцов на убой.

— Пойду на трёх рысаках, — хвалился Ахмед. — Отец — голова войска, я у него — правая рука.

— Возьми меня с Ивашкой в поход, — попросился Василий.

— Нельзя, ты в воле самого хана. Только он может разрешить.

— Тогда прощай, Ахмед, ты хороший друг.

— Жди меня с победой, продолжим наши игры.

— Давай обменяемся кинжалами, — предложил княжич, — на память.

Рукоятки кинжалов и ножны были отделаны серебром с изображением головы волка у Ахмеда и орла у Василия. Княжич не раз показывал Ахмеду, как он ловко мечет кинжал в цель с десяти сажень. Кинжалами обменялись с удовольствием.

Праведный путь и ночью светел

У юрты Василия молодые стражники сменились на стариков, а число их уменьшилось до одного. Выпал час побега. На степь накатывалась осень. Подули северные ветры. Пожухли типчаковые травы, а ковыль ярче засеребрился на солнце, отливая спелыми метёлками. Ивашка и Василий приободрились, выжидая удобную ночь, чтобы бесшумно и незримо исчезнуть из аула. Волновала молчанка с родины. Будут ли на переправах ожидать князя свои люди? И весть эта пришла от человека из нового каравана, что пришёл с Волги. Вестник показал тайный и неприметный знак великого князя Московского, передал поклон от него и сказал, что на Волге, ниже Сарая в десяти верстах, беглецов будут ждать люди с челном. Яик придётся перелазить самим, без допомоги.

— И на том спасибо, — сказал Ивашка. — Как сам-то Дмитрий Иванович здравствует?

— Недомогает великий князь. Беспокоят раны с поля Куликова, да пожар Тохтамыша глубокой рваной бороздой в душе сидит. Ждёт своего наследника Дмитрий Донской, — сказал человек и удалился, растворился в ночи, словно его и не было. — Пришла пора, князь Василий, применить в деле наши упражнения, — сказал Ивашка. — Готов ли в путь далёкий и опасный?

— Готов, волю батюшки выполню!

Снарядили два заплечных мешка с сухарями и сыром. На поясе кинжалы. Два лука со стрелами. Одна сабля на двоих. Нелегка поклажа. Через несколько часов пути станет вдвое, втрое тяжелее. Пойдут, условились, тайно от всех своих.

Не влено никого посвящать в побег. Накануне княжич сказался больным, чтобы не выказывать его отсутствия хотя бы до утра, когда стражник проверяет, тут ли заложник.

Ночь побега выдалась глухая, ветреная. В небе носились низкие косматые тучи, грозя пролиться холодным дождём — редкость в сухих заяицких степях. Но Бог миловал, только редкие скупые капли падали на землю, создавая слабый шорох в травах.

В княжеской юрте они находились вдвоём. Тускло догорала одна свеча в подсвечнике над очагом, отбрасывая на округлые стены юрты, драпированные коврами, огромные тени неслышно собирающихся в поход людей.

— Кажется, взяли всё, — шёпотом сказал Ивашка. — Ничего не забыли?

— В дороге откроется, — ответил Вася.

— Ладно, князь, все уж спят, пора! Волнуешься? — спросил боярин, заметив в глазах у юноши тревожный блеск.

— Немного.

— Пойдём — успокоишься. Присядем на дорожку по старому русскому обычаю, помолчим на удачу.

Они присели каждый на свой заплечный мешок. Помолчали. Ничего не думалось. Уставили взоры на затухающую свечу. Это хорошо, всё погружается во мрак.

— С Богом! — внятно сказал боярин, подхватил мешок и первый нырнул в подкоп изнутри юрты, прикрытый ковром.

За ним, не отставая, — Вася. Вышли в нескольких саженьях от неё с глухой стороны. Неслышными тенями скользнули в степь просторную ковыльную. Покойно кругом, только свист ветра в озёрных камышах да писк мышей-полёвок. Вышли на караванную тропу. Направление взято верное, не сбился Ивашка в кромешной темноте, без звёзд, без луны. Это ободрило, придало уверенности в успехе. Пошли ходко — то бегом, то широким шагом. Покрыли вёрст двадцать. На рассвете оставили тропу, отклонились чуть влево с расчётом держаться недалеке, с тем чтобы в сумерках снова выйти на тропу. Днём рассчитывали отдохнуть в степной балке, если такая сыщется.

Ходко шли днём. Шли до изнеможения. Слышали, как пот струйкой стекает меж лопаток. К полудню снова отклонились влево, пошли по бездорожью ковыльной нехоженой степью. И вот время: сзади над караванным шляхом взыграло облако пыли. Из последних сил ударились в спасительный бег, подальше от тропы. Впереди замаячила зелень старица. Место опасное, у воды могут стоять скотоводы с отарами овец и косяками лошадей. Как нестати попался на пути этот оазис. Придётся давать солидный крюк, чтобы обойти старицу. Силы на исходе. Бессонная ночь, резвая ходьба и последующий бег потребовали передышки. Ещё, ещё немного в сторону, бежали,

пригибаясь, хотя видимой опасности на горизонте не было. Но поостеречься не грех: степь ровная, как трапезный стол. Василий запалился первый. Ивашка подхватил его под руку. Тащит.

— Попадёт ложбинка—упадём, Васятка. Дыши глубже, легче будет,—хрипя горлом, говорил Ивашка.

Попалась не ложбинка, а старая барсучья рытина. Ветром выдуло взрыхлённую зверем землю, образовалась яма, поросшая редкой травой. Вот в неё и свалились беглецы, чутко прислушиваясь к степным звукам. Ивашка припал ухом к земле. Степь далеко разносит конский топот. Тихо, погона укатилась по тропе к переправе. Счастье Василия, что основное мужское население аула ушло на войну. Некому устроить широкую облаву на беглецов. Момент выждан—лучшего не сыщешь.

От быстрого и долгого бега Вася устал, горячая испарина вырывается из-под халата. Мешает тёплый кафтан—тяжек он в беге. Юноша сбросил его с плеч, упал навзничь, выравнивая прерывистое дыхание. Пересохшее горло горит. Пот градом застилает глаза. Лицо осунулось, губы посинели, а в глазах—острый победный блеск: мол, ушли-ушли, вот вам фигу, выкусите! Он через силу широко улыбнулся боярину, тот в ответ тоже. Одобрительно потряс за плечо.

Вася закрыл глаза, минуту лежал без движения, наслаждаясь первой удачей, глубоко вдыхая степной, настоящий на травах воздух. Дыхание быстро выровнялось, он выглянул из ямы. Глухо, слышны только лёгкие порывы ветра да почти беззвучный шелест пожелтевших трав. Обзора почти никакого, всадника, если окажется в полуверсте, не увидишь.

— Как там наши остались? Что с ними будет?—спросил Вася.

— Будет так, как будет. Не казни себя. Все служат Дмитрию Ивановичу, отечеству нашему. Пусть несут свой крест до конца.

— Кирдяпа утёк почти со всем двором. Мы—ты да я. Поди, отца Алексея и остальных не тронут. Они знать не знали.

— Отец Алексей догадывался, сразу сообразит. Сейчас молится за наше спасение. Но и он не владыка над тобой, не указ. С него спрос короткий. — Могут спросить с пристрастием?

— Могут. Отдадут жизни за великие интересы святой Руси,—Ивашка потянулся за бурдюком с водой, вынул пробку, подал княжичу.—Остыл после запарки? Теперь глотни. Пожужим сухарей с сыром, ты спать налаживайся, а я вон на тот бугорок отползу, буду наблюдать.

— А не заснёшь, если солнышко тёплое выглянет? — Не засну. Кинжалом в руку буду тыкать. Через одёжку. А то и ползать начну с места на место. Заснуть—Боже избавь. Тут татарин и накрыть может. Шальной какой степняк, чабан.

Они пожевали сухарей с сыром, залили водой из бурдюка, и Василия быстро сморил сон. Ивашка взял лук с колчаном стрел, отполз саженой на двадцать, где земля слегка взбугрилась, давая возможность обозревать степь на приличное расстояние. Сон Ивашку не мучил, выпавшая нагрузка на его закалённое в походах и упражнениях тело была почти обычной. Подступалась жажда. Бурдюки вмещали всего по три литра. Что это для путников, если они не знают, где и когда смогут пополнить запасы? Ивашка предполагал о трудностях, но не ожидал столкнуться с оазисом и погоней в первый день пути: попавшаяся старица говорила, что придётся отказаться от продвижения вдоль караванной тропы, тем более—по ней. Татарские разезды могут налететь лавиной и схватить. Не убежишь, не отобьёшься, если преследователей окажется с десяток.

Уходить надобно в глухую степь, двигаться только днём, дабы не наскочить на какое-нибудь стойбище с людьми и собаками. Скотоводы не менее опасны, каждый из них, молодой или в годах,—воин. Неизвестно, сколько юрт окажется на стоянке, сколько мужиков. Смогут ли отбиться, если завяжется схватка? Если и отобьются, уйдут, верхник быстро донесёт о стычке в ближайший аул, откуда может последовать облава. Правда, при неожиданной встрече возможен мирный исход: оба в татарской сряде⁶, язык знают хорошо, на стойбище пришли для покупки лошадей. Серебро в кошеле есть. На лошадях за день покроют десятидневный путь пещца. Но раскрывать себя преждевременно и отступать от первоначальной задумки не хотелось.

В скорой погоне Ивашка не ошибался. Утром стражник, как всегда, заглянул в княжескую юрту. Она была пуста. Кинулся к отцу Алексею, потребовал показать ему князя.

— Видать, ушли на озеро купаться. Князь с Ахмедом часто хаживали вместе. Подождём, скоро вернутся.

— Теперь Ахмеда нет, ты врешь!—не поверил стражник и побежал на усадьбу мурзы, поднял тревогу.

Отец Алексей встревожился. Он догадывался о предстоящем побеге, видел приготовления. В юрте не обнаружил княжеского оружия, бурдюков. В сундуке нет повседневной княжеской одежды, хотя последнее время отрок ходил в татарской, подражая Ахмеду. Был раздосадован, что ему не доверили тайну, но гнева не проявил, смиренно принял событие. Верил: всё творится по воле великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Наследник должен вернуться в свои чертоги и от мудрого отца познавать азы управления княжеством. Слышно, недомогает великий князь—опора

6. Сряда—одежда.

святой Руси. Знал Дмитрия младенцем. Служил ему. На его глазах рос и креп наследник Ивана Красного, продолжателя расширения земель Московского княжества мирным путём. Дмитрий, как и отец, приглашал на свои земли крестьян, ремесленников, ратников. Звал из соседних и отдалённых княжеств бояр. Люди шли из рязанских, черниговских, киевских, галицко-волынских степей и залесья, оседали на купленных московскими князьями землях. Обживали Поволжье, Белозерье, Устюжье, Угличское раздолье. Княжество богатело, золотоордынцы почти не беспокоили русские земли, хотя дань отсюда с каждым годом скудела. При Дмитрии Ивановиче она совсем прекратилась.

Княжество разрасталось, силы его крепли. Строились новые города-крепости, сёла, распахивались земли под жито. Впервые Московский Кремль был обнесён каменными стенами, за которыми можно было выдержать длительную осаду врага. Бог даровал Руси такого успешного князя, который отважился выступить против Орды. Первый успех был достигнут на реке Воже, где был разбит мурза Бегич, которому наместник Мамай велел опустошить Русь, заставить платить прежнюю дань. Русские воины увидели свою силу, воодушевились, и через два года дали разбит сам Мамай. Боярин Ивашка участвовал в битвах. Был знатен родом, как и отвагой. Потому Дмитрий Иванович прислал его в Сарай с тайной целью — вернуть сына домой.

«Ивашка расторопен, смыслён, крепок духом и телом, — размышлял отец Алексей, — справится с возложенной на него ношей. Нам же суждено нести свой крест, если на головы обрушится гнев наместника».

И он обрушился. На озеро ускакали конные стражники. Не найдя там князя, вернулись. Наместник мурзы приказал схватить слуг и отца Алексея, дознаться. Связанных арканами, всех без исключения били плетью, спрашивали о князе и Ивашке. Никто ничего не знал. Побой мужественно переносили. Не мешкая, наместник выслал небольшой отряд в погоню по караванному шляху. Давно стояла сухая погода, рысаки взбили пыль, которую к счастью, издали увидели беглецы.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда Ивашка тронул за плечо Василия, прикрытого халатом. Тот встrepенулся, осоловелыми глазами уставился на Ивашку:

— Татары?

— Нет, тихо. Надобно, князь, идти. Я поразмыслил и решил двигаться только по свету. Ночью можно наткнуться на стойбище, на нукеров. Днём же увидишь, что перед тобой, как ноне. Подальше отойдём — сторгнем у скотоводов лошадей за себребро. Скажем, отстали от каравана, шедшего из земель хромого Тимура. Заблудились. Пробираемся к Тохтамышу в Сарай-Бату.

— Пусть будет так, мне не нравится ночная беготня. Ахмед говорил, что в набег собирают людей со всех стойбищ, — напомнил Василий, — ушли все молодые и крепкие. Нам нечего опасаться старых скотоводов. Если что — перебьём, как куропаток. — Бережёного Бог бережёт, Василий. Не гневайся, осторожничай будем до самого Московского княжества. Пока на родное крыльцо не взойдётся.

По пересечённой местности

— Хочу испытать, прежде чем двинемся: в какую сторону сам пойдёшь?

Степь, сколько хватало глаз, лежала однообразная, пустынная. Высоко в небе парил чёрный коршун, высматривая добычу. А ещё выше — солнце закрыла косматая гигантская белёсая туча. По светилу не определишься. Василий напряг в памяти уроки Ивашки, стал приглядываться к метёлкам ковыля, пытаюсь определить, откуда дует ветер и куда клонит травы.

— Пойду против ветра, метёлки ковыля склоняются влево от меня.

— Ветерок, однако, дует не со стороны заката, а наискось. Вон и коршун против его потока плывёт, забираясь вывыс. Ветер с холодной стороны дует, с нашей, северной. Ковыль неохотно голову клонит влево, в тёплую сторону. Нам надо двигать встреч этой туче, так, чтобы ветер в правое ухо пел. Ты же, Васятка, указал путь на юга. Там Яика нет. Там за степью владения Тамерлана. В его сторону от шляха мы ночью мчали, да круто завернули, обходя старицу. Теперь путь выправлять надобно.

Василий смутился. Хотел возразить, но в прогалине тучи на минуту блеснуло солнце. Оно светило в правое ухо. Надобно бы в лицо. Княжич быстро повернулся в правильную сторону и выбросил руку на запад:

— Нам вот так мчать!

— Верно! Хлебнём в дорогу из бурдюка — и в путь. Притомимся — перекусим.

Бег рысцей перемежался с ходьбой. Передыхка — и снова бегом с оглядом окрестностей. Тонкое обоняние Василия подало сигнал опасности. Ветер принёс овечий запах.

— Ивашка, чую, справа от нас овечки, а может, козы.

Дядька остановился, замер, присел. Принюхался. Верно, ветер несёт запах баранов.

— Молодец, князь. Здоровый у тебя нюх. Как бы на вершника не нарваться. Уходим по ветру.

Не прошли и версты, как обнаружили следы скота. Ивашка увидел скотскую лепёшку, не до конца высохшую на солнце. Пошарил в траве, нашёл овечий помёт. И снова лепёшки. Они тянулись, уменьшаясь, по пути их хода. Местами лужайки клевера словно подрезаны ножом. Это паслись коровы и лошади. Вон и помёт лошадиный. Ясно, впереди стойбище, а может, летняя стоянка

чабана. И то, и то плохо. Можно нарваться на людей. С человеком—собаки. Чужаков облают, и люди насторожатся.

Двигались перебежками, чутко прислушиваясь к звукам степи. Пересекли опасную зону засветло. Перекусывали. И снова шли до последнего блика солнца, до звёздного неба, которое в сумерках освободилось от туч. Ночлег устроили в пересохшем русле безвестного ключа с чахлыми ивами. Бурдюки ополовинились. Утром решили пройти по руслу в надежде найти воду.

До полуночи Ивашка караулил сон княжича. Глухая, безлунная, тёмная ночь не сулила опасности, и боярин уснул крепким, глубоким сном.

Каково же было удивление утром, когда дядька проснулся с восходом солнца, выбрался из сухого русла, пробрался на каменистые отложения из песчаника и с их небольшой высоты увидел лесистую пойму Яика. Прикинул расстояние—вёрст пять. Всмотрелся в прилегающую степь и увидел рассыпанные чёрные точки. Косяк лошадей. Где-то неподалёку должна быть стоянка.

— Что там—лес?—услышал Ивашка взволнованный голос князя.

— Пойма Яика, княже. Смотри правее. Видишь, кони пасутся.

— Вижу. Вон и вершник, второй. Гонят косяк в лес,—сказал Вася,—никак на водопой.

— Туда. Вижу, далеко не те места, по которым шли на верблюдах. Верблюжий шлях тянулся вдоль Яика с заката на восход солнца на полный день пути. Теперь Яик лёг нам поперёк. Ярило в затылок светит. Река повернула на юг?

— Петля, поди.

— Не похоже на петлю. Влево и вправо тополёвник тянется лентой. Горку бы нам под ноги. Взобрались, огляделись бы, куда двигать.

— Сам же говорил, если утром ярило затылок греет, то прямо бежать надобно, чтоб и дальше в затылок.

— Это главное направление. Митрополит Киприан наставлял меня: если путник в неведомых доселе местах столкнулся с непонятным, разберись, вникни, тогда продолжай движение. Понять хочу: то ли река круто повернула, то ли просто большая излучина. — Всё равно нам туда,—указал княжич рукой прямо перед собой.—Вон и клин журавлиный махонькими точками в небе тянет влево от нас.

Князь устался взглядом в вереницу птиц, вспоминая, как на родной земле он много раз видел этих величавых птиц близко над собой, кружащихся над жнивьём, собирающихся в стаи для далёкого перелёта в тёплые края. Небось, и эти из родной стороны? Боярин и сам не раз любовался полётом могучих птиц, ловя их протяжные прощальные клики. Но этот клин не с родной сторонки, слишком уж далеко она на северном западе.

— Лады, князь, пожуём сухарей с сыром, запьём водой и подадимся чутко к реке. Там схорониться

нетрудно. Наладим перелаз через реку. Сдаётся мне, отыщется островок, где отдохнём, выспимся всласть перед новым броском.

На острове диком

Долина реки оказалась широкая. Стоял белый тополь, островками осоколь. На сухих бутристых местах попадался дуб. Под ногами стелилось разнотравье, в сырых местах—осока, камыш и рогоз с цилиндрами спелых семенников. Попалась старица, а на ней гуси, турпаны и утки. Ивашка замер. Достал из колчана стрелу. Василий последовал за ним. Стали скрадывать. Дичь непуганая, подпустила на убойное расстояние. Стрелы запели враз и обе угодили в цель.

— Есть!—Васятка рад.

Ивашка разделся догола и выловил трепещущих гусей.

— Отыщем остров, там зажарим,—говорил он весело, потрясая жирными, увесистыми птицами.

Дядька приторочил добычу к поясу. Двинули дальше, обходя старицу. К реке вышли лишь к полудню. Она поразила своей шириной и довольно скорым течением. Долго всматривались в противоположный берег: нет ли там лихого татарского глаза? Убедившись в пустынности правого берега, принялись налаживать переправу.

Плот рубить надобно из сухостойных тополей. Такие деревья отыскивали в нескольких метрах от берега. Кинжалами свалили два высоких ствола, обрубили сучья. Длинные хлысты перерубили надвое. Ивашка умело на каждом бревне прорубил пазы для крепления. Затесал клином две жердины в полусажень из толстого тальника. Василий тем временем отыскал крепкие талины для шестов. Ошкурил. Столкнули лесины на воду в тихой заводь, не моча ноги. Вода хоть не очень стылая, день выдался солнечный, а мочить ноги без надобности не стоит. Василий удерживал брёвна, а Ивашка вогнал в пазы клинья. Для крепости вколотил в пазовые щели дополнительные клинья. Попробовал расшатать—нет, крепко.

— Плот готов, удержит троих и дюжину гусей.

Княжич, довольный, рассмеялся шутке.

Сплыли, когда малиновое солнце стало оседать за макушками деревьев. Пошли ходко, подгребая шестами. Вскоре вошли в протоку. Она огибала лесистый остров с галечными отмелями. Увидели тихую заводь, подгребли, причалили. Подтянули плот на сушу, закрепили куском верёвки, что лежала в заплечном мешке у Ивашки. На душе и тревожно, и радостно: всё пока складывается хорошо. Что-то ждёт впереди? Взяв пожитки, беглецы углубились в заросли, отыскивая поляну для костра и ночлега. Пока Василий собирал валежник для костра, Ивашка свеживал гусей. Затем княжич кресалом запалил трут, раздул огонь. И уже в темноте стали жарить на вертеле

дичь. Ели досыта, щедро посыпая крупной солью, подкрепляя силы, растраченные в гонке.

Нарочный

Великий князь трапезничал, когда в столовую вошёл нарочный гонец из Нового Сарая, где теперь была ставка хана Тохтамыша. Крепкий сложением, коренастый, он выглядел устало, измождённо, на кафтане видна дорожная пыль, за кушаком подоткнута плеть. Вести были важные, и Дмитрий Иванович приказал немедленно говорить.

— Великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Иванович, хан Тохтамыш собирает большое войско и хочет воевать хромого Тимура на Кавказе. Этот беспощадный и успешный воитель покоряет сейчас Персию и грозит отнять у Золотой Орды Чингисовы завоевания, оборвать надёжные торговые пути из Закавказья, Персии, Индии...

Порывистый Дмитрий Иванович вскочил после последних слов нарочного гонца.

— Но Тимур в Закавказье не дошёл. Глубоко ли увязнет в Персии стопами хан Тохтамыш?

— Слышно, пойдёт на Тебриз.

— Надобно всячески способствовать такому походу. Стоит направить к нему и нашу малую дружину, — Дмитрий Иванович задумался. — Хорошую весть принёс, боярин, садись к столу. Тимур — искусный воитель. Пусть волки схватятся в мёртвой хватке, изнуряют силы. Руси станет легче бороться с могольским игом. И придёт день, когда наши потомки окончательно сбросят его со своих плеч.

— Простит ли набег хромой Тимур своему выкормышу? Несколько лет назад изгнанный из Синей Орды царевич Тохтамыш нашёл покровительство у Тамерлана, — молвил митрополит Пимен, возвращённый великим князем из Чухломы вместо Киприана, высланного из Москвы в Киев. — Тимур попросил его собрать войско против Мамаю, который вновь вознамерился стать властителем Орды. Войска сошлись. Но биться не стали. Основное войско бросило Мамаю и перешло под хоругви Тохтамыша. Он потомок Чингисхана, а не Мамай. Битый нами воитель бежал в Крым, но там его зарезали его же союзники — генуэзцы. Вот с тем-то войском через год Тохтамыш обрушился на Москву и княжество.

— Что же слышно о сыне моём? Синяя Орда не останется в стороне от этого похода. Она бывшая опора хана.

— Все улусы подняты на ноги, Дмитрий Иванович, — молвил гонец, — и восточные, и южные, и западные. Сарай кипит страстями, как вода в котле. — Самое время Ивашке в путь тронуться, — тихо сказал великий князь боярину, что сидел слева от него за трапезным столом, ведавшему тайным приказом. — Не до сына моголам. Догляд за ним, думаю, ослабнет. Снаряди нарочного к Ивашке немедля по нашему уговору.

Боярин встал из-за стола и удалился.

Весть нарочного зело взволновала великого князя. В период Великой замятня, когда в течение одного года в Золотой Орде сменялось несколько ханов-чингизидов, ослаблялась её мощь. Воцарился Тохтамыш, скрепил своей волей Орду, имея сильную поддержку самаркандского воителя Тимура, остановил в ней грызню за престол. Похоже, что золотоордынец слишком возгордился удачным для него набегом на Русь, сожжением Москвы, возомнил себя непобедимым. Доходят до Дмитрия сведения, что не раз был бит Тохтамыш наместниками и сыновьями Тимура, не столь он искусен в воинском деле, сколь в хитрости и коварстве. Этот поход врага нашего в иные страны — поворотный. Войны в стане врагов на руку нам. Как на руку была моголам раздробленность Киевской Руси, раскинувшейся на огромной территории от Чёрного моря с княжеством Тмутараканским до Новгорода на севере; на востоке по Волге, покорённая Святославом с дикими народами; на западе едва не до реки Вислы с Белой Русью. Народ сидел густо, жил справно и свободно. Оттого, видно, не объединялся, печенег да половцы не страшили шибко. О моголах никто знать не знал. Сила у них оказалась великая. Но объединённая русская — крепче. Это доказал он на Куликовом поле, разбив наголову превосходящего по численности врага.

Дмитрий Иванович долго стоял перед картой Европы, написанной греческими мастерами. На ней были обозначены русские княжества, Золотая Орда, Кавказские горы, Каспийское море и север Персии с городом Тебриз. Далека эта страна, трудна дорога. Ничто не смущает заносчивых могольских правителей. Пусть, пусть дерутся, глядишь, и отложатся с набегами от Руси, дадут нам время для восстановления сил. Много полегло на полях брани русских воинов, не просто вырастить новых. Десятилетия уйдут. А даст ли Господь мне столько лет жизни? Василия пора вернуть домой, ему передавать накопленную мудрость в делах великокняжеских!

Заблудились!

Неожиданность, с которой столкнулись беглецы, вывела их из равновесия. Они зорко следили за всем живым, что появлялось в типчаковой и ковыльной степи, порой ровной, как стол, порой с лощинами, заросшими по пояс типчаком и клевером. Могли неожиданно столкнуться со скотоводами или вооружёнными нукерами, ведущими поиск беглецов. А что поиск идёт и расширяется с каждым днём, Ивашка не сомневался. Но встретить на своём пути новую реку — никак не ожидал. — Заблудились, — изрёк Василий, — вернулись к Яику после того крюка, когда уходили от конных татар.

Ивашка молчал, но видно было, что растерян. — Погоди, князь, давай разбираться, откуда взялась новая река.

— Небось, рукав Яика, сам-то он куда шире этой реки. Значит, рукав.

— Далеко больно рукав ушёл от главного русла. Сядем под ольху, перекусим да помозгуем, как всё вышло.

После удачной переправы через Яик путники сначала с трудом продирались сквозь заросли ивняка, ольхи, калины, тополя. Затем шли через рошу осокорей. Минули её, и лес стал редеть. То там, то здесь высились высохшие стволы тополей и осин. Боярин придерживал шаг. Потянулась каменистая гряда, преграждая путь весеннему разливу реки. За грядой на многие вёрсты — открытый суходол. — Отдохни, Вася, под деревом, я поднимусь вон на те скалы и осмотрюсь. Не ровен час, натолкнёмся на врагов. Меж Волгой и Яиком юрт натёркано гуще.

Ивашка, пригибаясь, махнул на каменистую гряду. С неё открывался широкий простор типчаково-ковыльной степи. В полуверсте скакали в их направлении несколько всадников. Они быстро приближались. Вскоре Ивашка различил в них вооружённых нукеров. Никак по их душе. Не зря осторожничал. Надо уходить под прикрытие леса, переждать. Вернулся к Василию, и они углубились в лес, забирая вверх против течения. Шли долго. Ивашка снова пошёл на разведку и опять увидел тех же всадников, словно идущих за ними по пятам. Покидать лес опасно. Не иначе, один из разъездов стерёг этот участок поймы, поскольку всадники курсировали то назад, то вперёд.

— Облава, — решил Василий. — Сколько конных? — Трое.

— Подпускаем на выстрел — и без промаха стрелями. Я одного, ты двоих. Успеешь?

— Успеть-то успею. Как быть с лошадьми? Уйдут на стан. Догадаются, кто сразил нукеров. Вот тогда верная облава. Найдут, повяжут.

Пришлось ждать ночи и под её прикрытием уходить из опасного места. Ночь была пасмурная, тёмная. Не видно ни зги. Шли на ощупь, рискуя оступиться в сурочью нору и повредить ногу. Справа неожиданно замерцал огонь костра. Пришлось отклониться от выбранного вечером направления. Вот на этот зигзаг и грешил Ивашка.

К утру выбились из сил. Рассвело. Небо всё так же супилось, закрывая солнце, но дождь не шёл. Лёгкий ветерок тянул с севера, хорошо освежал разгорячённых ходоков. По свету с шага перешли на бег из последних сил, и когда были готовы упасть от бессилия — увидели длинную вереницу леса.

Упали, передохнули — и бегом под спасительные кроны леса. Шли через бурелом, зло и настёрно пробиваясь к воде. И вот она блеснула своей

свинцовой тяжестью. Течение тихое — значит, глубина большая.

Ивашка опустил по примеру Василия на землю и, качая головой, изрёк:

— Это не рукав Яика.

— Тогда приток. В Москву-реку впадает Яуза, Москва — в Оку, Ока — в Волгу. Вот и у Яика появился приток, о котором мы не ведали. Река тихая, по берегам камыши, — убедительно рассуждал Василий.

Из-за туч выглянуло солнце, определяя сторону света — восток. Где восток, Ивашка не сомневался и до восхода ярила. Потому его страшно озадачило течение реки на север, против шерсти Яика. Может ли такое быть?

— Сам говорил: наше главное направление — на запад. Мы туда и шарим, — устало говорил Василий. — Доставай харчи, пожую, на сытое лучше думается. Не отвлекает.

— Воля твоя, князь. Реку камнем перебросишь. Не велика, вряд ли укромный островок същется, где бы могли костёр раздуть да дичь поджарить. Или рыбы поймать да на огне испечь. Тут её, думаю, тьма.

— Я тебе повелеваю, боярин, рыбалить. Ночь прошла в трудах, требуется сытная трапеза. Доставай уды.

— Воля твоя, князь, на жарёху возьмём быстро. На насадку вместо червя сыр стодится.

Ивашка вынул закиды из нескольких крючков, облюбовал заводь и забросил свою снасть, Василий — вторую. Ожидать долго не пришлось. У Василия леса задёргалась первой, он подсёк рыбину резким жестом руки и выбросил на берег крупного язя. Следом то же самое ожидало Ивашку.

— Рыбаль дальше, княжич, я пойду сухой осины пошукаю. Она горит бездымно и запаха не издаёт. Не смеянистая.

— Знаю, знаю, боярин, — с улыбкой ответил Василий, — не забыл твои слова.

Вскоре меж кряжистых осокорей языки пламени облизывали осиновый сухой валежник. В свете дня огонь светился тускло. Явился Василий с добрым куканом рыбы.

— Хватит заморить червячка? — с весёлым настроением сказал отрок. — Можешь потрошить рыбу. Я возьмусь жарить.

— Воля твоя, князь.

— Коль моя, надобно, боярин, бросать пеший ход, добывать лошадей.

— Что так?

— Натёр я ногу до крови. Ночью упал и черпанул голяшкой камешков на сурчиной норе. Сразу не почуял и потом не хватился. Гнали-то аллюр.

— Ладно, выпорю рыбу — посмотрю твою ссадину. Ты бы пока вытряс сор из сапога, не ходи с ним.

Василий разулся. Правая лодыжка кровоточила, рану щипало. Пока Ивашка порол и мыл рыбу, княжич раскатал осиновые угли ровным

порядком и разместил весь улов. Его хватит и на ужин. Язи были круглые, жирные, а лещ—едва ли не с лопату. Но он костистый, и Вася не хотел класть его на угли.

— Клади, князь, вечером за обе щёки будешь уплетать. Сыр, небось, надоел. Давай посмотри твою рану.

— Какая там рана—простая ссадина.

— В походе ссадина может выбить из строя. Загноится. Дело не шутейное.

Ивашка оглядел болячку. Кровь на ней засохла. Он достал из мешка махонькую долблёнку с сосновой живицей, смыл кровь. Живицей же и смазал, обмотал белым лоскутиком от свежей портянки.

— Заживёт, как на собаке,—молвил и велел обуться.

— Заживёт, только мне надоело по степи пуганым зайцем скакать,—ворчливо говорил Василий, натягивая сапог на ногу.—Добудем лошадей—и вихрем к Волге. Сам говорил, между Яиком и Волгой юрт понатыкано больше, а путь в несколько раз длиннее и опаснее.

— Посмотрим, ешь покуда.

Василий ел, но молчать не мог.

— При лошадях чуть забрезжил рассвет, мы в сёдла—и на рысях. Дневной путь покроем, пока разрезды тронутся. Увидели опасность—встали, схоронились. Вечером то же самое, и ночью шаг—быстрее будет.

— Пойми, князь, не могу я рисковать твоей свободой. Надо разобраться, в какую сторону мы ушли, коль на эту реку наткнулись.

— Приток это, боярин, мне сердце подсказывает. Спокойно на душе.

— Течение у реки малое, Яик куда проворнее мчит. Перелезем на ту сторону—увидим новое. Я приметил, по течению невысокий холм есть. Вот с него и обзорим.

— На холме стойбище татарское. От полои воды на нём хорошо хорониться.

— Правильно, высмотрим. Если людей будет мало, выпросим. Лошадей купим.

После сытной трапезы Василий свернулся калачиком и тут же уснул, подложив ладони под щёку. Сказалась бессонная, с тяжёлым переходом, ночь. Боярин решил хорошо отдохнуть, восстановить потраченные силы.

Полдень принёс тревогу. Чуткий Ивашка уловил лай собак. В ту же секунду был на ногах, прислушался.

— Князь, вставай, люди с собаками близко. Сдаётся мне, с той стоянки, что на холме, и тут где-то есть брод с голым берегом, водопой.

Василий крутил головой, стряхивая сон. Насторожился.

— Слышу шум, крики! Двигутся в нашу сторону!

— Собаки учуяли нас и ведут людей. Татары думают—копытный зверь, а то и волки.

— Что же делать—в бега?

— Собаки возьмут след. Придётся схорониться в воде. Применим искусство наших предков. Не зря я тебя обучал на озере дышать через камыш.

Ивашка быстро вырезал несколько камышинок, срезал макушки, продул их. Годятся. Сгрёб пожитки.

Лай собак приближался, слышались возбуждённые голоса наездников. Дорога́ каждая секунда. Ивашка отдал князю несколько обрезанных камышинок, надел заплечные мешки.

— Быстро в воду, князь, бери в рот камыш, садись на дно и дыши как учил. Намокшая одежда потянет тебя на дно, не всплывёшь. Давай посмотрю, ладно ли усядешься среди зарослей. Я—следом.

Юноша снял с головы малахай, сунул его в карман халата, зажал губами камыши, придерживая правой рукой так, что они возвышались над его головой, медленно погрузился. Холодная вода сбивала дыхание. Он его выровнял глубокими вздохами. Глубины у берега не хватало. Пришлось продвинуться в сторону. Лай собак нарастал, торопил боярина укрыться. Убедившись в безопасности княжича с торчащими на полвершка над водой камышинами, Ивашка, не мешкая, присел рядом. Едва он успел сделать первый вдох, как на противоположном высоком берегу реки с редколесьем появились собаки. Через минуту к ним подскакали трое наездников, горяча псов возгласами. Но те вдруг притушили свой лай, завили хвостами, как бы в знак извинения, что, мол, вышла ошибка и на той стороне нет никого. Наездники некоторое время крутились на берегу, возбуждённо перекликаясь, пристально всматриваясь в противоположный, густо заросший безмолвный берег. Это были чабаны. Отару овец, гурт лошадей и коров с телятами они гнали после водопоя в богатую травмаю лошину. Вскоре люди отвалили от реки, покрикивая на собак, подсмеиваясь над оплошкой.

Беглецы сидели в воде, пока не продрогли. Выходить, не зная, где находятся собаки и люди, не смели. Наконец Ивашка, скрытый густыми зарослями камыша и осоки, осторожно высунулся из воды. Прислушался. Тихо. Только слышен шелест камыша да листья тополей. Он тронул за плечо князя, приподнял его. Юноша вскочил, отфыркиваясь, жадно схватывая ртом свежий воздух. Мокрая одежда неприятно липла к телу, с неё ручьём сбегала вода.

— Пронесло, ушли,—сказал Ивашка.—Теперь сушиться и согреться бе́гом, а то и борьбой.

Осторожно, стараясь не хлюпать, всё так же прислушиваясь к лесным и речным звукам, путники вышли на берег.

— Костёр запалим?—выбивая холодную дробь зубами, спросил Вася.

— Нельзя, ветер тянет с юго-востока, как раз в сторону наших врагов. Они люди степные, враз учуют дымок. Догадаются, на кого лаяли собаки.

Углубившись в лес, боярин велел снимать отяжелевшую одежду. Выжав едва не досуха, развесили на ветках, принялись энергично разминаться. Василий принял борцовскую стойку, сказал:

— Иду на вы!

Боярин принял вызов, и схватка началась.

Меткие стрелы

Как и предполагал боярин, верстой ниже река широко разлилась, тесня берега. Течение оживилось — верный признак небольшой глубины. Брод. Он был обозначен следами лошадей и чистым от кустарников и деревьев пологим песчано-галечным берегом. Почти напротив брода виднелся холм, где угадывалась жильё. Путники долго сидели в утайке, изучая местность и прислушиваясь к звукам. Только шелест деревьев да лёгкое журчание воды на перекате. Решили вечера не ждать, быстро перемахнуть реку, на том берегу осмотреться и идти на приступ.

Преодолев прибрежный лес, беглецы увидели невысокий холм, господствующий над местностью, поросший мелким кустарником и ковылём. На вершине его стояли две юрты, виднелся загон для скота. Смелчаки близко подоברались к пустому загону. Холм был вытопан ногами людей и животных, усыпан навозом. Собак не было — очевидно, ушли вместе с чабанами. Отара овец вместе с коровами виднелась маленькими точками. Там же верховой пастух. Сколько же человек на стоянке? У дальней юрты у коновязи три лошади под сёдлами. Разъезд нукеров?

Вот из передней юрты выскочил подросток, за ним женщина. Они направились к куче кизяка. Набрали его большую плетёную корзину и понесли в юрту. Путники подождали дальнейших движений. — Берём, боярин, лошадей, — сказал Василий. — Нас никто не догонит.

— Берём.

Только собрались стремительным броском преодолеть расстояние, как из юрты вышел нукер. Он постоял, посмотрел на лошадей, окинул продолжительным пристальным взором окрестности и скрылся в юрте.

Сделав короткую паузу, беглецы бросились к лошадям. Не добежав нескольких саженей, увидели, как дверка юрты отворилась, из неё высыпали три воина и старик-хозяин.

Нукеры благодарили хозяина за чай и направились к лошадям. Всё, беглецы, распластанные на ровном месте, будут замечены. Схватки не избежать. Бежать назад поздно. Подстрелят, как куропаток. Лучше сделать это самим. Выигрывает тот, кто нападает первым. Ивашка выхватил из сагайдака лук и стрелу. Василий последовал его примеру. Нацелились.

— Подпускаем на точный выстрел. Я беру левого, ты правого.

Стрельбе мешали лошади. Они закрывали воинов. Пришлось отползти. И тут смелчаков заметил. Медлить было нельзя, расстояние убойное. И две стрелы, пропев короткую песню, угодили в грудь врагов. Нукеры ещё стояли на ногах, ошеломлённые внезапной атакой, но уже поражённые через кожаные латы, а Ивашка послал вторую стрелу в третьего. Василий, чуть замешкавшись, тоже выстрелил. Враги были поражены. Старик издал вопль:

— О алла, разбой!

Из юрты выбежали женщина и двое безоружных подростков. Один, постарше, увидев кровавую картину, бросился в юрту. Ивашка следом.

— Возьми старика под прицел, — крикнул Ивашка Василию на татарском языке, а сам подстерёг выскочившего с луком в руках отрока и ударом кулака свалил на землю, отнял лук.

Выхватив из ножен кривую саблю, Ивашка подступил к старику. Тот упал на колени, прося пощады.

— Мы вас не тронем. Дай нам сыру, лепёшек, мяса. Мы отстали от каравана и заблудились. Шли из Хорезма к хану Тохтамышу с вестями. Покажи, где пролегает караванная тропа в Сарай-Берке. Знаешь?

— Далеко. Отсюда два дневных перехода, — старик показал рукой левее стороны захода солнца.

— Какая это река, куда она течёт?

— Кушум, там вливается в Яик, — старик показал на север.

— Я возьму у тебя казан и чай. Вот тебе серебряная монета Тамерлана. Дай нам еды, две верблюжьи кошмы, три бурдюка для лошадей, и мы уйдём.

Старик сказал женщине о еде и казане для чая, а сам пошёл в хозяйственную юрту, сооружённую из жердей, вытащил три больших бурдюка, наполненных водой.

— Бери, — покорно сказал он.

Ивашка тут же приторочил бурдюки на спины лошадей. Василий, с луком в руках и заправленной стрелой, зорко следил за стариком и юртой. Не мешкая, Ивашка снял с трупов сабли — пригодятся. Сагайдаки со стрелами висели на сёдлах.

— Выпьем, Ахмедка, по пиале чая, давно не пили горячего.

Вошли в юрту. В ней сидели две взрослые женщины. Они всё слышали и тут же налили вошедшим странникам в пиалы чаю с козьим молоком. Ивашка и Василий с жадностью припали к пиалам, заели свежими лепёшками. Налили ещё, не спуская глаз со старшего подростка, который норовил выскочить из юрты к лошадям. Ивашка прогнал его подальше от двери, угрожая кулаком. Старуха извлекла из сундука глиняную чашу, набрала баурсаков из керамического, хорошо обожжённого сосуда, напоминающего бочку, высыпала в перемётную суму, сунула туда приличный кусок

сыра, вяленое мясо, длинную палку конской колбасы — казы. Старик извлёк походный казан, передал Ивашке. Кряхтя, снял со стены две скатки кошмы. Видно было, что ему жаль отдавать дорогие и теплейшие вещи. Боярин и Василий всё приняли и больше не задерживались в юрте. Не ровен час, наедут пастухи. Предусмотрительный Ивашка подпёр дверь юрты палками, чтобы о налёте не донесли в тот же час пастухам, что ходили с гуртом скота в нескольких верстах.

Приторочив на свободную лошадь перемётную суму, казан, кошму, беглецы вскочили в сёдла. Лошади, чуя чужих, заупрямились, заплясали по кругу. Наездники огрели коней плётками меж ушей, и те с места взяли в галоп, понесли всадников в сторону заката солнца, минуя пасущееся стадо. — Твои слова сбылись, князь. К вечеру о нашем нападении будет известно в ближайших стойбищах. — Не поверили в твою сказку?

— Поверили, монета хромого Тимура заставила поверить. Но о гибели нукеров донесут.

— Мы будем уже далеко. Нас всё равно ищут, а быстрота — наше спасение.

— Верно. Хорошо, что рука у тебя не дрогнула. А мог бы смазать. Ведь первого человека убил!

— Лютого врага! Русичи их в свои земли не звали. Пощады им не будет. Эти слова моего батюшки я запомнил на всю жизнь.

— Ещё запомни слова великого князя Александра Невского: кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет! На том стояла и стоять будет Русская земля! — Поведай мне об Александре Невском. Отец Алексей сказывал, но больно мало.

— Я знаю не больше. Но поведаю, как на Неве бил он шведов, что пришли с ярлом Бюргером, собираясь покорить Великий Новгород, как на Чудском озере разгромил псов-рыцарей тевтонских, как в Орде непобедимого полководца отравили. По дороге домой скончался Невский, так же как и его отец Ярослав, получив яд с пищей в Каракоруме от самой ханши, матери Гаюк-хана. И тоже через семь дней в дороге скончался. Помни об этом, знай, насколько коварны моголы и татары. Но силе преклоняются. Ты только что был воителем, видел!

Василий молча вдумывался в скупой рассказ боярина, запоминая его наставления, а тот затынул старинную песню:

Говорит-гудит детинушка:

«Ой ли, други закадышные,
Не пора ль нам тыквы-головы
Попытать над ятаганами?
Не назря мы, чай, за пожнями
Солнце стрелами утыкали,
Не с безделья в стены райские
Два окошка пробуравили».

И умолк, заглянул в глаза отрока, увидел — горят любопытством, молвил:

— Ещё знаю о Евпатии Коловрате — русском богатыре, вставшем на пути могол. Это о нём сказители сложили песнь. Во время разорения Рязани он был в отъезде с малой дружиной, в Чернигове, просил по слову князя рязанского о ратной помощи. Он спешил вернуться домой. Какая-то тревога поселилась в его душе. Кони устало несли могучих всадников. Уходили из Рязани — стояла она неприступной твердыней, а пришли — тлен и разор, кровь и смерть. Бросились к ногам уцелевшие, что были окрест, с плачем поведали: «Несметная чёрная сила обрушилась на Рязань. Долго бились рязанцы, но чёрны бестии на косматых лошадях подтащили пороки и разрушили стены. Неудержимой лавиной хлынула чёрная смерть во град. Он пылал уж во многих местах от смолы горячей, заброшенной орудьями. Как ни бились рязанцы, всех одолели, изрезали жён наших, детей и стариков. Спеши, Евпатий, покарай супостата». Евпатий собрал тысячу семьсот воинов и бросился в погону за чёрной смертью. И настиг Батыгу в суздальской земле. Смял и порубил арьергард врага. О том сказано в летописи: «И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сёк ими». Удивился Батыга, послал встретить основные свои силы и своего богатыря Хостевруна. Тот обещал привести Коловрата живым к ногам повелителя. Богатыри сошлись в поединке, и Евпатий сразил могола, а дружина стала теснить и громить врага. Тогда Батыга приказал собрать пороки и обрушить на богатырей град камней. Один валун угодил в Евпатия, оглушил, десятки копий и стрел вонзили враги в Коловрата. Унеслась его душа к небесам. Поражённый отчаянной смелостью, мужеством и воинским искусством рязанского богатыря, Батый сказал: «О Евпатий! Если б ты у меня служил, я держал тебя у самого сердца!» — и отдал тело убитого Евпатия Коловрата оставшимся в живых русским воинам, и в знак уважения к их мужеству повелел отпустить их, не причиняя им никакого вреда. И был принесён Евпатий в Рязань и похоронен в восстановленном соборе.

Тут Ивашка вновь показал свой голос:

То не суки в тыне щенятся
Под козельскими корягами,
Налетала рать Евпатия,
Сокрушала съть поганую.
Защемило сердце Батыя,
Хлябушиной закобонилось.
Не рязанцы ль встали мёртвые
На угубу кроволитную?

Всадники быстро покрывали степной путь. Лошади были сыты. Гнали их с толком: то рысью, то иноходью, то галопом. Однако недолго, чтоб не запалить. Более грузный Ивашка пересаживался на запасную лошадь, и степь летела под копытами

скакунов. Дважды на пути попадались юрты. Их объезжали стороной. Передышку лошадям устроили на вершине невысокого взгорка, откуда за десяток вёрст просматривалась местность с чёрными точками юрт. Погони не наблюдалось. Её могут начать не раньше завтрашнего утра. Надо уйти как можно дальше. На отдых встанут только в глухие часы ночи.

В хвосте каравана

Старик не обманул. Через два дня пути, выпоив лошадям последнюю воду, беглецы увидели широкий караванный шлях. Взрыхлённая копытами лошадей, верблюдов и ослов малоплодородная песчаная почва выветривалась, видны были неглубокие колеи, затянутые скудной травой. Шлях уходил, извиваясь, в сторону их родины. Путники не знали, где попадётся источник, чтобы пополнить бурдюки водой. Бросать лошадей не хотелось. Будут щадить скакунов, глядишь, и накатят на родник. Но оазис пока не попадался.

Шлях был пустынен. След каравана свежий. Решили, хотя и с опаской, проехать на рысях несколько вёрст в надежде нагнать караван купцов, идущий, видимо, из Хорезма или Самарканда в Сарай, а также в русские княжества. Легенда та же: идём в Сарай из Хорезма. Охотились на гусей, отстали от каравана, заблудились. Оружие держать наготове. Если что — отбиваться и уходить в степь. Кони сытые, от преследования оторвутся.

Тронулись. Слева от шляха на полёт стрелы увидели невысокое нагромождение песчаника. Не мешало бы взобраться на самую высокую точку и осмотреться. Ивашка направил туда коня. — Стой, чую запах горелого кизяка! — воскликнул Василий.

Ивашка замер, потянул ноздрями воздух. И точно! Слабый утренний ветерок принёс запах жилья, но юрты не видно.

— Нюх у тебя, князь, как у лисы. Будем осторожны. Что за люди — неизвестно.

И взял лук наизготовку. Юноша тоже.

Не успели путники тронуться в сторону песчаника, как оттуда выскочили двое всадников и несколько пешеходов, вооружённых луками. — Князь, встретим налётчиков стрелами. Это разбойники.

Ивашка не ошибся, пущенные нападающими стрелы упали рядом в придорожную траву. Видать, не та рука владела.

Минуты для новых выстрелов русичи им не оставили. Их стрелы легли точно в цель. Оба всадника упали на шеи лошадей, и те замедлили бег. Сёдел под седоками не было. Это говорило о том, что перед ними беглые люди, промышляющие разбоем на караванном пути. Пешая толпа продолжала насаждать. Можно было уйти на рысях, но Ивашке надо узнать у людей многое. И он

вторым выстрелом сразил человека в жёлтом халате. Василий — следующего. Третий стрела Ивашки вонзилась в плечо высоконогого мужаика, который испустил вопль на русском языке.

— Бросайте оружие, — зычно крикнул Ивашка, — не то перебьём всех.

Пятеро из десяти нападающих были убиты или ранены. Ничего не оставалось делать, как подчиниться. Бросив луки на землю, разбойники вскинули руки. Наши смельчаки подъехали к оставшимся в живых мужикам.

— Именем великого хана Тохтамыша спрашиваю: кто такие? Почему напали на его слуг?

Молчание. Ивашка прыгнул с лошади, передав повод Василию, подбежал к слабому на вид татарину, выхватил кинжал из ножен, схватил мужаика за волосы, повалил, подставил лезвие к горлу.

— Говори, когда прошёл караван?

— Вчера вечером, и стоял у стойбища Кульчи. Там есть вода.

— Далеко отсюда?

— Близко, величайший.

— Откуда идёт караван?

— Из Индии и Самарканда.

— Откуда знаешь?

— Ходили ночью, смотрели, карабчили⁷ еду.

— Кто охраняет караван?

— Воины хромого Тимура.

— Их много?

Татарин показал дважды свои пятерни.

— Что везут?

— Только знает Аллах.

— Сколько дней пути до Сарай-Берке?

— Десять лун пещца.

— Есть ли на тропе каравана реки?

— Есть, величайший. Большой Узень — полдня пути, Малый Узень... — разбойник показал два пальца.

— В какой стороне Большой Узень?

Разбойник показал на юго-запад. Остальные мужики закивали головами.

— Я заберу у вас луки, брошу подальше на тропе.

Ивашка, угрожая кинжалом, — Василий держал под прицелом одного из разбойников — собрал луки, вскочил на коня и, пятясь задом, внимательно следя за разбойниками, чтобы не метнули вслед кинжал, отъехал с князем на безопасное расстояние, дал волю жеребцу, уходя по следу каравана.

Решили караван не догонять, а пополнить бурдюки водой на стоянке за серебряные монеты и двигаться самостоятельно. Безопаснее.

— У нас, княже, одна дорога, у наших преследователей — десять.

— Как это? — не понял Василий.

— Те, кто нас ищет, не знают, где и как мы двинемся. Вот и вынуждены рыскать по степи, а она —

7. Карабчить — воровать.

бескрайняя. Тут не десять, тут сто дорог тянется. На какой беглецы?

Аул Кульчи был оживлённый и обширный. Кроме многочисленных юрт, возвышалось несколько каменных зданий и мечеть. На широкой площади перед зданиями—базар, где можно купить бурдюки, кумыс и пищу. Немноголюдно. Товар у местных татар—копчёная баранина, казы в куче, в чашах серо-белые шарики курт—кисловатый сыр из конского молока, козий питательный сыр кругами и баурсаки с лепёшками лежат на кошме.

Уперсидских купцов чай в брикетах, сухофрукты, кишмиш. Стоят высокие, хорошо обожжённые сосуды из глины, рядом—шёлковые и парчовые ткани, на коврах—сабли из дамасской стали. Греки-генуэзцы держат товар на деревянных лавках. У них оливковое масло в амфорах, фрукты, орех, чудной выделки обоюдоострые кинжалы и другое оружие, медные доспехи. Торгуют бойко, зазывая покупателей.

Ивашка купил у татарина, одетого в жёлтый халат и в такой же малахай, стопку лепёшек, казы, сыр и баурсаки, бурдюк кумыса. Спросил, где есть вода для лошадей. Купец ответил, что у него на усадьбе глубокий колодец, там же есть много бурдюков. Пришлось отдавать монеты за воду на базаре, а его слуга отвёл покупателей на усадьбу из нескольких юрт, обнесённых глиняной оградой. В глубине двора действительно оказался колодец, выложенный из плит песчаника. Источник жизни в этой безводной полупустыне приносил немалый доход хозяину. Вот и сейчас там работали люди, выкручивая из глубины тяжёлую, наполненную водой бадью. Слуга приказал обслужить путников, а сам ушёл на базар. Из длинного долблёного корыта лошади были напоены, в бурдюки набрана вода, и они приторочены накрепко к выючной кобыле. Ивашка на просьбу Василия: поесть горячей пищи—мяса по-татарски, выпить чаю,—отказал, боясь в ауле наткнуться на своих преследователей. — Уходим, князь, опасно здесь. Ненароком наскочат нукеры, спросят нас: кто такие? В дороге кумыс сойдёт вместо чая.

Василий вынужденно согласился.

— Кульчи—знакомое место. Помнишь, тут мы ночевали с караваном?—спросил Ивашка, когда аул оказался позади.

— Припоминаю. Мы припылили поздно и стояли с той стороны, ближе к мечети.

— Верно, здесь сходятся три дороги. Одна из Самарканда и идёт в Сарай-Берке, по которой мы сюда прибыли. Отсюда сарайская тропа уходит на восток, к Яику. Вторая тянется из Сарай-Бату. Он стоит в низовьях Волги, на рукаве Актуба, и постепенно приходит к запустению. Куда двинешь?

— Выберу свой путь между Сарай-Бату и Сарай-Берке,—решил Василий.—Надо бы расспросить

про реки Узень и есть ли на караванном пути в Сарай-Бату источники.

— Я пытался, но грек отмолчался, мало у него взяли орехов. Но ещё в Москве с твоим батюшкой узнавали, что тут за земли. На нашем пути лежат то пески, то солончаки. Воды за рекой Узень мало. Встретится только большое озеро Аралсор, но оно солёное. Воду пить нельзя.

— Уже осень, а дождей нет. Сухая страна.

— Слава Богу, пока не мочит. Однако купленные плащи из плотной ткани пригодятся. Не ровен час, заждит. Укроемся.

— Как же мы будем новый путь торить? До Волги, чай, сто да сто вёрст.

— Проторим, князь. Я у Дмитрия Ивановича вершниками верховодил. Учили меня, учил и я, как верный путь в незнакомых местах выбирать. К реке Воже, где мы мурзу Бегича разбили, впереди войска шёл. До Куликовской битвы было дело. Гнали мурзу, как и Мамаю, до ночи. И раньше также хаживал без промашки. Потому меня великий князь к тебе и отрядил. Знает: не заблужусь в сих просторах.

Всадники пришпорили коней и пустили рысью по пересечённой местности строго на запад, на ходу подкрепляя силы лепёшками и сыром, запивая кумысом из баклаг.

Добрые вести

В «Сказании о Мамаевом побоище» о великом князе Дмитрии Ивановиче сказано образно, и весь он осязаемо предстаёт перед нами в свои тридцать лет: «Телом велик, и широк, и плечист, и чреват велми, и тяжек собою зело...» Словом, пред нами—русский богатырь, которому и конь богатырский надобен.

С того времени прошло всего семь лет. Годы, овеянные славой победителя над ненавистной Ордой, нестерпимая горечь поражения от Тохтамыша, возобновление уплаты дани, удержание в ставке врага сына-наследника, многочисленные волнения в борьбе с соседями по укреплению государства, собрание огромной рати и выступление против Великого Новгорода, чтобы покарать разорителей-ушкуйников, гуляющих по Волге-матушке,—всё это и многое другое подрывало здоровье государя. К несчастью, и его предки не были долгожителями: отец Иван Красный, правивший всего шесть лет, дед Симеон Гордый—тринадцать лет, да и Иван Калита особым здоровьем не отличался. Сжигал он себя в борьбе за Русь единую. Державная власть, крепкая и надёжная в его руках, длилась только восемнадцать лет. Сам Дмитрий Донской, выходило, переживает всех своих предков. Этой осенью, когда сын Василий ударился в бега, докатывался тридцать шестой год, и оставалось ему жить всего три года. За то мы должны благодарить Бога, что дал ему поцарствовать гораздо более своих предков—тридцать лет!

Многое преуспел свершить Дмитрий Донской. Величие его творений видно через века. Но не о том сейчас речь. Летописцы не оставили записей о самочувствии государя. Видно, не принято было сообщать такие подробности. И очень жаль. Мы сошлёмся на текст «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». В нём косвенно говорится о болезни государя: «...разболеся и прискорбен бысть велми, и паки легчая бысть ему, взрадовшася великая княгиня и сынове его радостию великою и велможа его; и паки впаде в большую болезнь, и стенания прииде в сердце его яко и внутренним его терзатися...» Иными словами, великий князь разболелся, его лечили, и недуг отступал; великая княгиня, сыновья и вельможи его были рады выздоровлению, но болезнь возобновлялась, и боль приходила в сердце его...

Могли ли быть отражением недуга раны на Куликовом поле. Несомненно, великий князь получил множество ударов врагов, доспехи его были иссечены, сам он долго лежал под деревом—очевидно, потерял сознание и самостоятельно встать не мог. Орудия врага оглушили его. Возможно, было сильное сотрясение мозга и, как следствие, возникновение различных болезней, связанных как с центральной нервной системой, так и с сердечно-сосудистой. Строптивый Дмитрий Иванович не шибко-то привечал местных лекарей, надеясь на своё могучее здоровье. Оно и было могучее, но стремительная и тяжёлая государственная служба незаметно подтачивала его впечатлительную и добрую натуру.

Пожалуй, от приёма сердечных трав он не отказывался, пил. Но более живительной оказалась весть нарочного, который загнал напослед коня и вбежал в палаты князя со словами:

— Великий князь Дмитрий Иванович, молись Господу нашему за вспоможение сыну твоему Василию! Миновал он Волгу-реку на челнах с твоими людьми, и те пристроили его с человеком в купеческий караван, идущий в иноземные страны через Молдавию!

— Надёжны ли люди в караване? Есть ли казна у моего человека? Не жалеть серебра и дальше. Отослать тайного гонца к каравану купеческому, где наш сын. Сказать купцу: как окажется сын в руках у молдавского господаря Петра, получит большую казну.

— Добавили казны нашему человеку, поиздержал он в дороге, пока шёл до матушки-Волги. — Как шёл, знаешь? Хотел бы послушать. Пусть и дальше сын наш при его руке будет.

Дмитрий Иванович повеселел взором, вздохнул полной грудью, раздалась она, как меха кузнечные, задышалось вольно, в голове посветлело. В относительной безопасности сын его, хотя Орда до самого Днепра протянулась когтистой лапой. Бдеть надобно боярину Ивашке, как прежде.

Скупое рассказал гонец о беге Василия. Отец и тем доволен. Ведёт его рука крепкая, сильная, главное—верная.

На переправе

Волга плескалась под бортами челна, в котором на вёслах сидели два молчаливых парня в поношенных татарских жёлтых выцветших халатах, с малахаями на головах. На корме правил бородастый и востроглазый мужик. От его одежды несло запахом рыбы, да и дно челна усыпано рыбьей чешуёй. Валялись мешки с сетями, багры и острога. — Купцы из Кафы купили в Сарае полон. Погонят его в Крым. Там есть всякие люди. Черемисы, адыги, аланы, булгары, но больше всё наш брат—русские, захваченные татарами в разные годы. Сарай ими переполнен. Тохтамыш велел продавать лишних рабов генуэзцам,—говорил Ивашке глава сплавщиков.—Стража с караваном набирается большая. Вот в неё тебе, боярин, с отроком и надо попасть.

— Пособи.

— Мне велено вас только на правый берег доставить. Там другой человек ждёт, сотник. Он тебя с купцом сведёт.

— Когда же караван наладится в путь?

— Уже вышел из Сарая. На переправе его перехватите. У человека того всё давно готово. Лошади, одёжка, оружие. Всё татарское. Отрок больно светловолос. Под татарина ему играть трудно.

— У него мать русская, от неё и глаза голубые, и волосы в цвет жита.

— Ну, глядите. Купец за казну самого лешего в помощники примет. Балакать с татариним можете?

— Три лета язык постигали.

Чёлн ходко шёл по реке. Ивашка всматривался в темень, стараясь нащупать глазами берег. Он не просматривался. Князь сидел молча, прикрытый от свежего ветерка кошмой. Широка Волга-матушка. Волна ощутимо бьёт в борт. Знать, на стрежень вышли. А подошли к берегу—легче бой, и ветерок гложет в береговых зарослях. Засветился тусклый огонь свечи, замаячил крестом. Сигнал условный. Тихо, спокойно. Зашуршала галька под носом лодки. Из зарослей выскочили двое, подхватили чёлн, подтащили на берег. Рыбак-голова следом. Убедился, что никого вокруг, тогда Ивашке знак подал. Ушли с челна в чащу, следом за человеком со свечой.

Шли недолго. Берег правый крут, лес быстро оборвался. Вот и лошади. Сели и пошли уже не в своей воле, а в воле того человека, что ждал, великим князем уряженный. Назвался сотником Скопиним.

— На переправу не пойдём. Людно. Опасно,—заговорил доверенный великого князя.—Перехватим караван в степи на первом ночлеге. Купец из Кафы—грек. Идёт в Азов. Бывал с товарами

в великом княжестве. Сговорились уж. Стража у него своя. Больше греки, генуэзцы. Есть и татары с Крыма. Много лет с ними ходит. Хорошо платит, вот и держатся. Есть, правда, и новые, молодые.

Ивашка с Василием слушали молча. Заметили, как к ним присоединились всадники, пошли впереди, торя дорогу.

— Что хан?— только и спросил боярин.

— Основное войско, слышно, ушло на Кавказ брать Тебриз. Людей у него в Сарае осталось мало. Князя ищут и стерегут на Волге выше. Молва доносит, в нашем направлении поиска нет. И будем молить Господа о вспоможении.

— Его волей живём-можем,—Ивашка перекрестил князя и себя.

— Держи кошель, боярин. Поиздержался, небось. В дело не скупись.

Ивашка поймал мешочек, привязал к кушаку. — Сгодилось серебро. Выручало,—подал голос Василий.— Сколько страха натерпелись! Две пары лошадей загнали.

— Теперь спокойнее пойдёте, не будете рыскать по степи стаей волков,—сказал сотник.

— Ой ли? На виду у множества людей ухо остро держи. Зазеваешься—тут тебя и обовьёт татарский аркан.

— В караване есть наш человек, если что—весть подаст, упередит.

— Там и татарский глаз сыщется, вот чего опасуюсь,—молвил боярин.

— Пойти бы нам на Дон в малой дружине. Там русские земли близко,—сказал Василий.

— Дон, как и Волга, любим татарами. Степи там обширные, травы густы. Скоту корма прорва, вода всюду. Где корм, там и кочевник,—не согласился сотник.— Не будем отступать от воли великого князя.

У купца глаза пронзительные, так и прошил насквозь Василия. Только отрок не забоялся такого колкого взгляда. Видывал уж на своём коротком веку пострашнее глаза, лютые, когда Василия Кирдяпу и его двор за побег наказывали. Недалеко от хана стоял со своим двором, всё видел, всё слышал. Жестокие реплики, злой огонь холодных ханских глаз. Мороз по шкуре драл.

Грек был в солидных годах, сутулый. На плечах поношенный, когда-то дорогой кафтан из тонкой шерсти, фетровые сапоги, отделанные хромом, и узкополая шляпа не говорили, что перед тобой богатый и влиятельный человек. Купец осмотрел Василия внимательно, словно ища изъян в его татарской одежде и белобрысом облике, наглым и даже злым взглядом мутных греческих глаз.

— От русской матери был рождён?—спросил грек по-татарски.

— От полонянки отцовского гарема,—отвечал Василий.

— Больно молод. Что умеешь?

— Яблоко надвое стрелой беру.

— Покажи.

Пристроили яблоко на ветку дерева. Она слегка покачивалась. Василий взял лук, вскинул, прицелился. Запела стрела, и яблоко раскололось.

— Ты чем знаменит?—обратился купец к Ивашке.—Отрок с тобой?

— Мой племянник. А знаменит кулачным боем, господин. Есть ли среди вас соперник?—Ивашка не хотел показывать до поры свою ратную отвагу.

— Найдётся!—на круг вышел коренастый, плотно сбитый парень, роста Ивашкиного.— Бьёмся до первой крови.

— Годится.

И пошли по кругу, приплясывая, пружиня в коленях. Прощупали крепость ударами в грудь. Отскакивают кулаки. Можно и покрепче на потеху толпе, на славу бойцу. Ивашка едва не пропустил удар в челюсть, но изловчился сам, и кулак его вынес из носа соперника красную юшку.

— Удач,—сказал хозяин каравана,— беру в дружину. Харчи мои, в конце пути за службу—горсть медных денег.

На том и сговорились.

Чужие

Несколько дней шли по выжженной солнцем степи. Часто набегали тучи, но дождей продолжительных не падало. Смочит пожухлую траву, прибьёт пыль на караванной тропе—и то ладно. Полоняники с колодками на шее ловили пригоршнями дождевые капли, утоляли жажду. Воды для них в караване в обрез. Знал купец, что в эту пору насытятся небесной влагой. Кормил нормально, ибо терять в пути купленных рабов—понести убытки. Обходиться велел нестрого. Главное, чтобы не сбежали. Куда побежишь с колодкой на шее? В бескрайнюю голодную степь? Умереть? Как ни тяжка доля, а каждый цеплялся за жизнь, как мог.

Василию тяжело смотреть на русских пленников. Будь его воля, перебил бы ночью полусонных стражников, развязал колодки, вооружил братьев, отбил часть каравана и с ватагой ушёл бы за Дон. Он где-то севернее течёт, от озера Маныча недалеко. У озера встали на несколько дней в ожидании второго каравана, идущего, по словам купца, от черкесов с хлебом. Его же караван. Хлеб пойдёт в Константинополь морем. В Азове погрузка.

Сколько ещё мыкаться по дорогам? Надоело каждый день и ночь жить с оглядкой. Правда, купец взял Василия и Ивашку в личную охрану. Рядом с ним трутся. Ивашка выкупил у грека отдельную крытую подводу, где в часы от несения дозора беглецы могли отдыхать.

Василий излагал боярину свои придумки с новым побегом, тот не соглашался.

— Мало нам татар на заливке, так караванные за поимку возьмутся.

— Замечаешь ты или нет, а я слышу разговоры нехорошие. Греки-стражники что-то о нас прознали.

Ивашка насторожился. Сказал о подозрениях купцу. Тот успокоил, велел сказаться молодому занемогшим, находиться в повозке.

Прибыл караван с хлебом, и, не мешкая, купец велел двигаться на Азов. Долго шли вдоль озера, потом вдоль реки. На вторые сутки в сумерках у княжеской повозки появился русский погонщик. Сказал коротко, обнеся крестом пространство по условному знаку:

— Опасайся, отрок, греков-стражников. Пронюхали про вас. Прибегал к ним татарин, толмачил.

Сказал и ушёл, будто мимо проходил.

Весть насторожила. Кто такие греки-стражники? Ни прозвище не сказал, ни возраста. Молоды ли, в годах ли? Купцу донести? А что сказать ему— слова погонщика? Своего человека выдать. Не годится, надобно ухо держать остро, убедиться самим и тогда дело решать с купцом. Не нравится Василию такая схоронка, словно в темнице. То ли дело, когда степью сами шли, вольны на манёвр, на хитрость, на силу свою и ловкость.

— Ночи длинные, тёмные. В покое сон сморит,— сказал Василий.— Пока сон не клонкий, спи ты, боярин. Я караулить возьмусь. Начнёт сон морить— ты встанешь.

Вставать некуда. Стиснуты беглецы малой норой, сделанной в бричке, на подстилке из сена. Сверху, на плетённом из ивы коробе, мешки с овсом. Вторые сутки так-то тащатся после прихода хлебного каравана. Сколько вёрст до Азова? Дойдут, оставят часть полона, хлеб, и далее до самого Днепра подрядился купец. Кошель серебра в задаток он уже получил от сотника. Ивашка тоже задобрил. Купец понятливый: не простые люди с ним в деле, родовитые. Отрок, небось, княжеский сын. Вдвое больше обещано дать в конце пути.

Василий сидел при свече, вырезал из осины фигурки. Сон за делом не одолевает. Боярину хуже. В глухую ночь кто жжёт свечи? А если жжёт— по какой нужде? Любопытных наберётся толпа. С вечера только можно.

Чу, шорохи донеслись до слуха. Близко. Василий замер. Шли крадучись двое. Поравнялись с повозкой, замерли. И внятный тихий голос:

— Тут он, тут. Вместе с дядькой.

— Татарина бы известить!

— Подождёт, возьмём птаху, вот и донесём. Глухой сон нам помощник.

Как ни вслушивался Василий в тишину, ничего больше ему не померещилось. Свечу не потушил. Рано. Пусть врагов отпугивает. Нетерпеливо толкнул в бок Ивашку. Теснота душила дыхание.

— Чужие люди в караване, Ивашка, надо немедленно выбираться отсюда.

— Стемнело? Если нет, повременим,— Ивашка спросонья вертел головой, растирал лицо руками, прогоняя сон.

— Поздно будет. Я слышал и разобрал слова греков. Один сказал: здесь он. Второй ответил: ночью возьмём.

— Сгодились греческая мова. Не зря патриарх Киприан тебе её в сознание вносил.

— Не зря. «Всякое знание, сыне, как драгоценный камень»,— помню, говаривал он не раз. А батюшка подтверждал: «Незнание может головы стоить». Вот ныне какова цена знанию. Уходим, Ивашка, в ножи тех ворогов возьмём. Купили их татары.

— Слова зрелого мужа. Но сколько их?

— Не время, боярин, сомневаться да высчитывать. Выползай из норы, пока лаз кинжалом не перерезан.

— Нельзя нам кровавить свой след. Уйдём мирно.

— Испужался?

— Не в страхе дело. Без шума не обойдётся. Я уж тебе сказывал: мало нам татар на заливке, так эти за поимку возьмутся.

Ивашка выполз из ложа кибитки. Притаился у колеса. Ночь непроглядна. Низкие облака закрыли звёзды и огрызок луны. Только вдалеке мерцал чахлый огонь костра, на котором стражники варили чай. Но если глаз ненароком наткнётся на его отблеск, темно в глазах с минуту. Уж лучше не смотреть на огонь. Ивашка уловил тихое шуршание сена, на котором они лежали, сейчас по нему полз Василий. Он помог князю приземлиться под колесо. Прислушались. Отползли на сажень в сторону. Затаились. Свежий воздух, против душливой норы, бодрил. Тонкий слух Василия и боярина уловил лёгкие шаги крадущейся лисы за добычей. Дождались враги глухого часа и втайне собираются напасть на спящих. Кляп в рот. Одно можно отправить к праотцам. Но в темноте можно не заметить кого. Лучше взять обоих, оглушить, а там дело третье.

Крепкие руки ухватили мешок с овсом, что лежал на ивовых прутьях их логова. Без шума опущен на землю. Вторые руки подхватили второй мешок. Третий за что-то зацепился, полетел на землю, глухо шмякнулся. От соседней брички окрик-вопрос:

— Кто-кто?

В ответ— тишина. Только быстрые шаги в степь.

— Ну и ночка—ни зги не видать!— донеслось от соседской телеги.

— Факел зажги, да пойдём осмотримся, тать без овса нас оставит.

— На последней подводе надёжные люди, не пустят.

— Кому сказано?— донеслось до слуха боярина.

«Ах ты, леший!»— воскликнул в душе Ивашка. Обнаружат брошенные на землю мешки, поднимут трезвон. Тайну подсадных людей могут раскрыть. Нет, не та мера выбрана, не то укромное место.

Не на день и на два — на десятки. Пространство до господаря молдаванского Петра Мушата обширное, не меньше чем одолели земли Синей Орды, а теперь Золотой Орды. Донские степи и днепровские, через которые пройти предстоит, также неведомы, а находятся под арканом татарским. Опасностей здесь больше, от них казной не откупишься. Уходить надо в степь. До Азова, по словам купца, два перехода. Но им в Азов ни к чему. Им к славянам, к братьям путь. Ждать другой караван, наниматься в боевую охрану? Благо оружие всё сохранено. Немедля брать свою поклажу, заранее упакованную в два мешка, и уходить. Успеть бы!

Успел Ивашка, сгрёб мешки в охапку — и в степь скорым шагом.

Тусклым пламенем в ночи вспыхнул факел. Поплыло красное пятно к подводе князя. Послышались крики. Поднялась суматоха. Вспыхнули в разных местах огни в поисках вора.

Беглецы обошли караван краем, вышли на тропу и гнали до изнурения. Короткий отдых — и снова топчется ногами дорога. Рассвет застал их у незнакомой реки. Долго шли по её пойме, сойдя с караванной тропы. Солнце уж встало, осушило скучную осеннюю росу, тут и блеснула гладью река. Да не малая, враз не перескочишь. Вода уже студёная, вплавь не возьмёшь. Небось, Дон рядом, плот рубить и до него спускаться. Ладно, утро вечера мудренее, что-то сладится. Василий к воде припал — запалился. Омыл лицо потное, голову окунул, фыркает, смахивает с волос струи. Ивашка последовал его примеру. Полегчало, тело отдыха запросило, особенно ноги. Гудят. Привалились к стволу дерева на осенней подстилке из травы и листья. Благодать! Куда и заботы ушли? Но здесь они, с тобой, на языке Василия.

— Кому догадаться, что у нас лошадиный бег? — вымолвил через силу Василий. — Коль бросятся в погоню, покрутятся верстах в десяти — и назад. Глядишь, на север, в нашу сторону, повернут, а мы вон где!

— Отмахали, считай, полтора перехода. Передохнём и Дон достанем.

— Лошадей добудем, снова дело пойдёт, — сказал Василий. — По шляху много стоянок. Доберёмся до первой — покупай! Нам впереди своих врагов надо идти, чтобы молва не опередила нас.

— Так всегда и было, и теперь постараемся. Серебра мало осталось. Передал я купцу, переплатил. Но думка такая же. Неверно была выбрана схоронка. Если бы ангел твой не донёс вражьи слова до твоего слуха, лежать нам сейчас в кустах с кляпом во рту да татарина ждать. Все просторы ему тут подвластны.

— Хозяин выдал?

— Может, и он. Только не резон ему терять солидный куш за тебя от великого князя. Вспомни,

человек наш приходил. Упреждал. Скорее, тайна наша утекла к татарам от сплавщиков на Волге или от людей сотника. Гнида, видать, среди них завелась. Продалась за монеты татарину. Предательство — самый тяжкий грех, князь! Куликовская победа сорвала оковы ига. Предательство — вернуло. И ты здесь из-за этого предательства, и я. Великий князь не может пережить поражения от Тохтамыша. А ведь были упреждены о набеге. — Как же всё случилось?

— Смута поползла в московском народе. Жили, мол, спокойно до битвы, татар не дразнили. Покориться многие хотели. Героев Куликовской битвы в Москве совсем мало нашлось, по деревням они разбрелись родовым, а в столице больше мастеровой люд, купеческий — какие с них воины? Видя разлад в умах, Дмитрий Иванович покинул Москву и отправился в Кострому поднимать полки, оставив в столице патриарха Киприана, чтобы словом пастырским воодушевлял народ к обороне. Но тот ушёл, оставив прихожан, а также богатую великокняжескую казну.

— Как же мог послушаться патриарх?

— Видать, своя рубашка ближе к телу, княже. Владимир Храбрый с дружиной и ополчением покинул свой Серпухов и пошёл в Волок Ламский для встречи с Дмитрием Ивановичем, чтобы объединёнными силами обрушиться на лютого врага, который к тому времени должен осаждать неприступный Кремль.

Ивашка развязал свой мешок, извлёк из него горсть сухарей, шмат свиного сала. Принялся резать его на мелкие дольки, поглядывая на князя со всклокоченными влажными волосами. На листе лопуха подал сало, сухари.

— Силы русские, Вася, после битвы на поле Куликовом были подорваны. Всего два года прошло после большого людского урона. Много калек вернулось с поля брани, а молодая поросль ещё не окрепла. С великой тяжестью собирал полки Дмитрий Иванович. Я у него в левой руке ходил. Не успели мы собраться с силами. Пришли, а в Москве головёшки дымят, люди ратные и не ратные изрублены, дома разграблены, молодые девки да отроки в полон угнаны. Ближние русские города запылали от татарского огня, обливаются русичи кровью от кривой сабли. Большой татарский отряд, идущий grabить тверские земли, столкнулся с войском Владимира Серпуховского, которому уж донесли, что пал его город. Воины князя ударили во всю силушку и разгромили ордынцев. Весть эта быстро долетела до хана, и он повернул коней в Орду, мимоходом разорив Рязань, едва не пленив князя Олега. Он накануне гнул спину перед ханом, показывал удобные броды через Оку. Как пала сама Москва, ты знаешь из слов отца Алексея. Предательством взята Москва. Сплочения не было среди москвичей и прочего пришлого люда, что

схоронились за стенами Кремля. Разобшение—сестра предательства. Разброд в умах—первый шаг к поражению. Ты это должен крепко усвоить, князь. Иначе мне не стоит беречь твою волю,—сурово закончил печальную повесть боярин.

Попали в засаду

Ивашка первый прогнал дрёму. Солнце скользило меж облаков в западной стороне. За полдень. Отдохнули, пора приниматься за дело.

— Какое дело? — в хорошем настроении откликнулся боярин. — На воду встать. Эта река приведёт нас к Дону. На нём есть переправы с барками, но нам туда соваться нельзя.

— Будем рубить плот?

— Его, батюшка. Топор есть, руки тоже. Сухостойная ольха, гляжу, местами стоит.

— Ты, боярин, лось настоящий, за тобой не утонишься, выносливый, а я голодный, давай сала с сухарями.

— Отказа нет, князь, на голодный желудок плот быстро не срубишь, а нам бы по свету его на воду спустить, на островок какой причалить, рыбы поймать да выпасться на кострище. Впереди ночи, чую, бессонные. Как ты говоришь, вперёд молвы пойдём!

Василий, широко улыбаясь удачным словам боярина, принял из рук Ивашки лепёшку, сыр, головку лука, что удалось припасти в караване грека, кусок копчёной говядины и принялся трапезничать, прикидывая в уме, сколько же вёрст они отмахали от каравана и где сейчас рыскают татары с греками, разыскивая их.

Они основательно пообедали, запили студёной водой из реки и принялись валить сухую ольху. Одного топора не хватало, тонкие ветки срубали саблями, кинжалами. Плот строился. Столкнули его на воду, когда вечерняя заря разожгла на далёком небосклоне пышный костёр, возле которого, правда, не погреешься.

Плыли в потёмках долго. Течение тихое, глубина отменная. Старались держаться ближе к берегу, ускорять ход шестами. Ивашка всматривался в облачное небо, старался ухватить взглядом звёзды и по ним определить стороны света. Не получалось. Поднимал мокрую ладонь, ловил лёгкое дуновение ветра и решил, что тянет он с юга жаркого в северные просторы. И почти поперёк—неведомая река, по словам караванщика-грека—Маныч. Вода большая и впадает в Дон выше Азова. Коль так—путь выбран верный, не сбились. Успокоился. Об этом сказал княжичу. Наконец показался остров. Пойма низинная, тут их должно быть много. Причалили. Прошли вглубь—и замерли: остров обитаем. На небольшой поляне слабый костёр, и возле него—двое.

Ещё не легче. В попятную, но их заметили чуткие лесные люди. Рядом выросли двое с рогатинами

наперевес. Ещё секунда—и оглушённый ударом Василий свалился бы с ног. Но его кривая сабля успела смягчить удар. Ивашка метнул кинжал в грудь нападающего. Тот ойкнул, присел. Второй человек напал на боярина, но сабля Василия вновь отбила удар рогатины, наносимый Ивашке. Князь изловчился и плашмя обрушил клинок на дронувшего врага. Сбил с ног.

— Татары! — раздался у костра возглас по-русски. — Бежим!

— Стойте! Мы тоже русские—беглые.

Незнакомцы остановились, в руках крепкие деревянные палицы.

— Мы вам зла не причиним, братья. Из каких земель? — крикнул боярин.

— Коломенские мы. Утекли от рабства.

— Как же вы тут оказались?

— Лето. По дорогам не шли, всё вплавь от озера Маныча.

— Мы кладём на землю сабли, вы кладите рогатины, да побратаемся, если не против. Сухарями угостим, — сказал Василий.

— А вы чьи будете?

— Московские, бежали от Тохтамыша.

— Земляки, братья! Бог послал вас на наше спасение.

— Посмотрите рану у своего товарища. Я его не насмерть свалил. Кто ещё на острове?

— Только мы.

— Куда путь держите? На носу зима.

— Мозгуем, как в родные доли попасть.

— Мы тоже, да заплутали. Где Азов, где река Воронеж—ничего не поймём.

Привели раненого. Кинжал повредил человеку ребро, но в тело глубоко не вошёл.

— В рубашке родился, я редко промахиваюсь, — сказал Ивашка.

— Прости, боярин. Почём знал, что ты русич? Не промешкай я, пал бы отрок твой.

— Отрок себя в обиду не даст. Вовремя тебя услышал. Вот и отбил нападение.

— А если бы вместо нас татары, да много? Что ж вы рот разинули? — сказал Василий.

— Мы не служилые люди—оратаи. Наше дело—землю орать, а не мечами махать.

— Как же без меча и сноровки из неволи вырвешься? — усмехнулся Василий.

— Твоя правда, боярин, саблю держишь умело и лицом чист. Без лукавства. Таким людям везёт.

Ивашка усмехнулся наблюдательности крестьянина, сказал:

— Взял бы в компанию, да вы местность не знаете. Много ли татарвы по Дону напичкано? Чай, и до самого Днепра юрты?

— Вот тот, кого оглушили, бывалый. Дважды бежал. Поймали, язык вырвали. Говорить не может. Рыбак отменный, кормит нас рыбой.

— Давно тут?

— Слета. В Кафу гнали. Вереница полна на версту растянулась.

— Вас ищут, нас ищут. Опасно.

— Вы в татарской одежде, вот и гоните нас.

На том и порешили. Утром срубили второй плот, и безъязыкий мужик взялся достичь Дона и его правого берега. Он чертил на песке Маныч, Дон и рукава рек, указывая, по каким протокам безопасно идти. Поверили. И вскоре пошли по тихой воде.

В донецких степях

Ступив на высокий правый берег Дона и обозрев с прибрежного кургана местность, Василий и Ивашка увидели татарскую стоянку. Долго наблюдали. В разведку отправили мужиков. Те быстро вернулись, сказали, что на стоянке гурт лошадей, овцы и коровы. Трое стариков, остальные бабы и дети.

Ивашка решил купить у степняка лошадей, мужикам повозку с лошадьёю и разделиться. Вместе малоподвижная толпа грозила опасностью поимки.

Мужики не хотели разделяться. Просили их не бросать. Бывалый мужик без языка пытался толмачить, что подниматься по Дону очень опасно. Людно. Можно дойти только до его правого притока, а потом по нему на закат солнца. Слышно, места эти полюбились татарам, и они стоят всюду многочисленными стоянками вплоть до самого Крыма. Податься напрямик на Москву? Тут лежат бескрайние безводные степи, пройти трудно, но безопасно. Боярин знал о таком препятствии. То бывшие пределы половцев, досаждавших набегам центру земель русских—Киеву до нашествия моголов. Ивашка не имел права подвергать риску князя и отвергал предложенные пути. Но и сам не знал, куда направить стопы. Они привыкли к самостоятельным, ни от кого не зависимым действиям, на чём держался секрет бегства, и менять ничего не хотелось. В основе его—тактика скорости без разбоя в качестве людей хана, если обстановка не вынуждает применить силу.

— Надо держаться на закат солнца, дойти до христианских владений,—решительно сказал Василий,—того и батюшка мой желает. Эти люди пусть послужат нам, если придётся отбиваться.

— Много людей оставят заметный след,—пытался возразить Ивашка.—Татары могут увидеть сакму⁸ и по ней учинят погоню. К тому же казна оскудела, последнее серебро уйдёт на верховых лошадей.

— Возьмём силой,—напирал Василий,—такова моя воля. Наш козырь—скорый бег.

— Резон в том есть, князь, но при первой опасности от попутчиков откажусь. Пока покупаем лошадей и еду на первой же стоянке и пойдём с напором неостановочным.

На холмистом берегу Дона стойбище оказалась богатым. Стояли две юрты, загоны для овец и скота. Добрый косяк лошадей ходил неподалёку. Молодые мужчины ушли в войско хана. С хозяйством управлялись несколько женщин и подростки, старуха и один, без правой руки, лет тридцати мужик, два русских раба в кандалах.

На стоянку ворвались неожиданно с криками на татарском языке, подражая разбойникам. Подростков и безрукого мужика связали арканами, посадили на землю у загона. Русских освободили. Собрали оружие, богатые съестные припасы. Атаман Ивашка показал свою свирепость, размахивал саблей и плёткой.

Объезженных лошадей на стоянке оказалось только три, да две ходили в тележной упряжи. Остальные взяты в войско хана. Русские рабы сказали, что в нескольких верстах есть вторая стоянка, и там можно взять остальных лошадей. — Из каких краёв, мужики?—спросил боярин. — Нижегородские воины мы,—отвечали угрюмо,—попали в полон во время нашествия Тохтамыша и пожара Москвы. Натерпелись от татарвы побоев, унижения. Особенно жгёт плетью вот этот змеёныш и его старший брат.

Высокий измождённый мужик поднял рубаху, показал спину. Она была исполосована кровавыми рубцами. Он подошёл к сидящему на земле мужику с закрученной назад рукой, сильно пнул его в зад. Тот втянул голову в плечи, зажмурился, ожидая нового удара.

— Видали? Его рук дело. А Стеньку за строптивость неделю назад запорол вот с этим змеёнышем насмерть,—высокий отвесил пинка подростку.—Зацепили живого, бедолагу, арканом за ноги и уволокли в степь. Я бы этих гадов прямо счас удавил. — За смерть нашего товарища я бы тоже не пощадил,—сказал второй, широкий в кости мужик, с кулаками, похожими на кувалды, как видно, недюжинной силы.—Я ить на родине более центнера весил. А теперь? Кормили только раз в день перед работой. А били для потехи. Ставили нас вот здесь и учились арканы набрасывать. Часто верхом на скаку. Опояшет и тащит сажени три. — Ах, сволочи,—не удержался Ивашка, глянул на Василия.

Тот выкатил глаза из орбит, слушая рассказ. Губы его посинели от гнева, руки дрожали.

— Дозволь, атаман, этих на берег реки свести?

— Я не волен судить, а вы люди свободные, поступайте как знаете. Только нам недосуг. Берём всё, что нам надо, и уходим.

— Не бросай нас, атаман, возьми в свою ватагу. Сгодимся. А этого однорукого чёрта за Стеньку я заарканю.

Число отряда приросло.

Ходили на соседнюю стоянку, ворвались в юрту и силой добрали всё недостающее. Ушли в сторону

8. Сакма—след конницы, конного отряда.

Азова, чтобы сбить возможное преследование, затем повернули на запад. Шли широко, не оставляя сакму. Так начался новый бег по незнакомым степям, полный опасности вероятного столкновения со случайным вооружённым татарским отрядом. Скорое преследование Ивашка исключал. Если и соберутся в погоню, то дня через два. Беглецы же будут уже далеко, обходя стоянки, о которых сообщали выдвинутые вперёд два освобождённых нижегородца. В сутки отряд покрывал расстояние в три поприща⁹, иногда более.

На пути стали появляться дубовые и берёзовые рощи, степь сменилась на сопки. Потянулся лесистый краж. Скорость продвижения отряда уменьшилась, зато снизилась вероятность неожиданного столкновения с татарами. Попадались родники, из которых путники пополняли запас воды в бурдюках, поили лошадей, пили с наслаждением сами. С наступлением темноты движение останавливалось: не позволял густой лес. Путники выбирали удобное место для ночлега, выставляли охрану, варили мясную похлёбку, чай, подкрепляли силы пищей и крепким сном. Лошадей треножили, они паслись до рассвета. С первыми лучами солнца вскакивали в сёдла и продолжали движение.

Местами видели выходы на поверхность чёрных скал. Ивашка сказал, что это каменный уголь, горит он жарко, и на нём мастера железных дел плавят руду, варят железо, из которого кузнецы куют мечи, кинжалы, наконечники стрел, кольчуги и другую утварь. Такой уголь есть в Междуречье, на тувльской земле. Боярин поднял несколько комков, бросил в костёр. Те сначала едко задымили, но быстро взялись жаром, выбрасывая тонкие сизые струйки. Вода в подвешенном казане быстро закипела, вызывая восторг юноши.

— Далеко ли от русских земель сие богатое место? — спросил Василий. — Может, и нам в хозяйстве сгодится?

— Многие сотни вёрст, Вася.

— После Дона мы несколько дней скачем, леса пошли. Знать, достигли земель Киевской Руси и скоро встретим христианские деревни? — предположил князь.

— В летописных сводах сказано, что по Дону селились печенег и половцы. Соседи-кочевники, недруги. Не раз сходились русичи в смертельных битвах. Сами били и биты бывали. Святослав Киевский несколько раз усмирлял мечом кочевников, а вот князь Игорь Новгород-Северский в степях донецких был окружён, разбит и пленён вместе с другими князьями половецким ханом Кончаком.

Столь древние познания истории удивили мужиков. Они поняли, что перед ними не простые люди, а из знатного рода. Спросили об этом Ивашку, но тот, не желая открываться до поры до времени — кто перед ними, отрицал: мол, слышал

эти истории от знатного человека, будучи у него на службе.

В землях молдавских

Молдавский господарь Пётр Мушат находился в походе по своим северным землям, недавно отошедшим от Польского королевства. Крепость Хотина имела важное значение форпоста, и господарь достраивал её и укреплял. Весть о русской делегации удивила. Русские потянулись к нему через враждебные земли Великого княжества Литовского. Это был первый контакт. Как вести себя с представителями победителя Мамай, но и теперешнего данника хана Тохтамыша? Не несёт ли опасности этот визит? Воевать кого-либо господарь не собирался. Мирная дипломатия и союзы с соседями дают не меньше крепости в делах государственных, чем ратные победы.

Пётр Воевода был уже в средних годах, носил окладистую чёрную бороду и пышные усы, карие глаза источали ум и заинтересованность в столь необычных посланниках. Он принял делегацию, не мешкая, здесь же, в Хотине. Русские послы поднесли богатые великокняжеские подарки, желали Молдавскому княжеству мира, народу благополучия, Воеводе здоровья и долгих лет жизни.

В ответ Пётр Воевода также желал русскому народу всех благ, а великому князю удачи и здоровья.

— Великий князь Московский Дмитрий Иванович желает с единоверцами братской дружбы и торговли, — говорили посланцы. — Просит великий князь оказать ему услугу: взять опеку над его сыном Василием, если он объявится в ваших землях. Затем через земли Литвы тайно отправить сына в Москву вместе с его дядькой.

— Какая нужда занесёт сына великого князя Дмитрия в наши земли?

— После разорения Москвы ханом Тохтамышем наследники трёх великих княжеств были взяты в заложники и содержатся ныне в Синей Орде. Нам известно, что князь Василий воспользовался походом Тохтамыша на Тамерлана и ушёл из Одры. Весть о нём оборвалась в придонских степях. Но мы надеемся, что князь Василий скоро объявится в Подолии. Таковы воля Божия и предсказания святых отцов наших.

— Если ему удастся пересечь Днепр и оказаться на правом берегу, угрозы от татар не будет. Великая Литва после победы над татарами у Синих Вод обрела правобережье, киевские, черниговские и Брянские земли.

— Нам известны границы Великого княжества Литовского. Просторы в низовьях Днепра — обширные и малообжитые. Причина тому — ордынский

9. Поприще — путевая мера в суточный переход, около 20 вёрст.

гнёт. Князь Василий вот уж два месяца в пути. Мог бы господарь Воевода встретить путников? — С кем идёт юный князь?

— Уходил из Синей Орды с искусным во всех делах посланником Дмитрия Ивановича боярином Ивашкой Быстрым. Вдвоём от Волги они достигли Дона с караваном грека. Далее ничего неизвестно.

— Почему же Ивашка пойдёт в наши земли, а не по Днепру вверх? — задал резонный вопрос Пётр Воевода.

— Такой уговор был изначально с Дмитрием Ивановичем. Он надеется на помощь единоверцев. Трудно догадаться, что путники будут держаться южных степей, а не повернут напрямиком на север. Искать их татары будут в верховьях Дона или в приволжских землях.

— Умно! — воскликнул господарь и пообещал: — Мы тайно оповестим наши восточные разъезды. Поезжайте в нашу столицу Сучаву, ждите вестей.

Первый визит делегации великого князя Московского Дмитрия Донского положил начало торговле и добрым отношениям. Не дождавшись появления Василия, посланцы ушли в свои земли.

Русский хутор

Река Днепр для путников была незнакома и таила неизвестную опасность. Теперь ханская погоня страшила меньше всего. Маленький отряд князя, переправившись через Днепр, всё чаще встречал христианские хутора, жители которых страдали от разбойничьих ватаг местных казаков, а также от набегов лютых крымских татар. Не дай Бог оказаться на пути дикого безжалостного изгона! Правда, на дворе конец осени, с севера тянет холодом, крымчаки в это время редко отваживаются выскакать из-за Перекопа. Так что страх быть повязанными арканами иссекает. А вот местные казаки балуют. Знали, что после разгрома в 1362 году могольского войска у Синих Вод славным великим князем Ольгердом земли эти отошли к Великому княжеству Литовскому. Однако вольные казаки не хотят и этой власти, как не хотели могольской.

Эти скудные сведения Ивашка с Василием получили от поселившихся на берегах Днепра и Буга русских людей, чьи предки помнят Киевскую Русь и разорение земель Батыгой-ханом.

Первых русских людей встретили после переправы через Днепр. Рубили плот несколько дней. Коней вплавь через такую ширину пускать не стали, оттого и плот понадобился из дюжины хлыстов. Лошадям закрыли глаза, чтоб воды не боялись, завели и пошли под покровом ночи. Подсвечивала ущербная луна, бросая на воду серебристую дорожку. Берег правый оказался обрывистый, без отмелей. Нависали ветки дуба, ясеня. Но причалить они не мешали. В темноте

плот ткнулся в берег, его стало разворачивать течением. Передние мужики соскочили, удерживая посудину, другие осторожно стали выводить лошадей на берег, сняв тряпки с глаз. Увидев берег, непривычные к таким операциям кони сами устремились вперёд, едва не затоптав поводырей. Две лошади сорвались в воду, но беды это не принесло. Василий уселся в седло и, дав коню под бока, опустил повод. Жеребец заржав, коротким броском очутился с седоком на берегу.

— Молодец, — похвалил боярин. — Так, бывало, ходил и твой батюшка.

Собрав пожитки, отряд углубился в дубраву. Переночевали без костра, не зная, кого он может привлечь своим дымом и огнём. Утром быстро открылось, что стояли они в версте от хутора.

На всхолмлённой опушке дубравы за высоким частоколом возвышалось несколько соломенных крыш. Дома сложены из оструганных брёвен, проконопачены мхом. Два дома, стоящих в центре, тоже из дуба, но толсто обмазаны глиной, выбелены известью.

— Чтоб от татарской огненной стрелы стены не занялись пожаром, — пояснил боярин Василию, когда они, забравшись на дуб, наблюдали за хутором, пытаясь выяснить, кто там — враги или миряне. — Загорится крыша — её растаскивают баграми, тушат. Вон, видишь, на глухой стене висят. — И удаётся?

— Русским людям многое что удаётся, когда они сплочены единой волей то ли князя, то ли главы рода. Помни: сплочение — главный козырь в борьбе с врагом.

Из одного дома вышли два мужика и три бабы с кленовыми вёдрами. Направились к длинному сараю с кучами навоза. Чуть в стороне возвышалась стога сена.

— Замечай, Василий: по научению великого князя Владимира Мономаха здравствуют и рóbят. Он вещал нам: живи так, чтобы солнце не застало тебя в постели. Этих не застало. Бабы, вишь, коров идут доить, — пояснил Ивашка, — мужики — скот поить, навоз убирать. Думаю, счас они скот в загон выведут. На ночь только под крышу прячут. Видать, балуют тут лихие люди.

— Кабы и нас за таких не признали да в колья не взяли.

— Могут. Гляди, мужики высыпали из домов. Полудюжина их. А вот и старейшина — глава рода, с седой головой. Нам бы услышать их мову. Русские ли люди? Тогда договоримся.

— Спускаемся, боярин, подберёмся ближе к тыну. Услышим говор.

— Ты покуда будь здесь. Я сам выведаю. Чай, у Дмитрия Ивановича в разведке ходил.

Ивашка спустился на землю, где перебежками, где ползком подобрался к частоколу, но перед оградой — ров. До макушек кольев-брёвен,

заострённых вверху, не дотянешься. Без аркана тын не перемахнёшь. Из крепких брёвен срублены ворота, по бокам две башенки с бойницами. Перед воротами из брёвен же настил, перекинутый через ров. При необходимости, как видно, поднимается на канатах. Хутор—крепость.

Дороги внутри хутора вымощены камнем, отсыпаны речным гравием.

Мужики, коротко переговариваясь, шли к длинному и высокому амбару с клуней, где под навесом скирд снопов. Жито. Видать, собираются молотить. До слуха Ивашки долетел русский говор.

На боярине сряда татарская, только малахай сунул в заплечный мешок, а оттуда вынул и надел свой картуз из синего полотна. Он осторожно стал пробираться по дну рва к воротам в надежде кого-то окликнуть. До башенки оставалось несколько метров, как его облаяла собака. Она находилась в башне. Злобная морда высунулась из низкой бойницы, и раскатыстый брѣх был услышан мужиками в клуне. Несколько человек бросились к башне. Сейчас боярин будет обнаружен. Надо выбираться изо рва, снять с себя саблю и с поклоном обратиться к хозяевам.

В бойнице появился человек с арбалетом в руках. Ивашка раскланялся, молвил:

— Выслушай меня, брат, я русский человек. Попал в беду.

— Брешешь. Пошто в басурманской сряде?

— Бежал из неволи.

— Один?

— Нет, с отроком.

— Где отрок?

— Пока в лесу хоронится.

— Зови, поглядим.

— Вася, иди ко мне,—зычно крикнул Ивашка.

Прибежал Василий, снял с себя по примеру боярина саблю и сагайдак с луком, положил на землю. — Проходи! Если врѣшь, умрѣте.

Ворота чуть подались, образовалась щель. В неё шмыгнули наши друзья.

По совету хуторянина

— Мой прадед по прозванию Тишкин корчевал эти земли, сеял жито, держал скот,—рассказывал пожилой хуторянин, после того как Ивашка с Василием поведали свою историю побега из Орды, умолчав, кто на самом деле юноша.—Река нас защищает от набегов басурман. Труднопроходимы лесистые места для их конницы. Успеваем укрыться в дебрях вместе со скотом. Бывало, вернёмся, а вместо хутора головешки. Младший брат по молодости да по глупости не уберѣгся, в полон угнали. Давно это было. Последние годы стало спокойнее. Литовец Ольгерд всыпал моголам горяченьких. Ванюшка, средний братец, в ополчении был. Погиб на поле брани. Слышно, взял князь под себя Киевщину, Черниговщину,

потеснил крепко крымчан, соседствует с молдаванами. Рубеж—Днестр. Литовец с валахами в мире живѣт.

— Вот мы туда и идѣм. Пособи хлебом, Степан. Второй день голодуем. Серебра нет, отдам пару коней, сабли татарские.

— Сабли мне ни к чему. Лошадей возьму.

— Скажи, сколько дней пути до Днестра?

— Как идти будешь. До Буга, если на закат солнца держаться, два раза по сто вѣрст да ещё пятьдесят. А там меньше. Если по Днепру плыть—и совсем близко. Реки в одно море стекают. Однако у тебя струг нет,—хозяин говорил неторопливо, обдумывал каждое слово.—Но пошто в русские земли по Днепру не поднимаешься? До самого Чернигова теперь литовец владыка. А далее русские княжества. Холода наступают, татарин уж не сунется в наши края.

— Я бы пошѣл, да мест этих не знаю. Слышал, отсюда до Чернигова шесть раз по сто вѣрст будет. Далеко, а на носу зима. У господаря молдавского мой сродственник служит. К нему прибиться хочу. — Дело твоѣ, боярин. Иди по берегу Днепра до моря. Напрямки без проводника заплутаешь. Леса, дорог нет. Дойдѣшь до моря—и вдоль берега к реке Бугу,—давал совет хозяин хутора.

Боярин с Василием слушали внимательно, в знак согласия кивали головами.

— Ну вот и ладно. Поснидай с отроком щей, дам тебе хлеба, сала за лошадей—и с Богом!

— На том спасибо, добрый человек,—поклонился боярин.

Походная баня

Они ушли в тот же день. Свободных лошадей не осталось. В приварок к хлебу и свиному салу добывали дичь, ловили рыбу. Торопили надвигающиеся декабрьские ночные холода. Днѣм же было тепло. Хутора обходили, а их попадалось немного в разорѣнной моголами земле. Ночью палили костры, ставили сторожей и спали. Чуть свет—в путь. Некованные лошади сбивали копыта, одну, обезноженную, оставили в степи. Единоверцев боярин грабить не хотел. Движение замедлилось. Пришлось безлошадного человека брать по ремешку каждому седоку. Часто он бежал рядом, ухватившись за шлею. Выдыхался, молил Бога и боярина не бросать его—пропадѣт. На третий день бега воды Днепра потемнели, с запада подул шквальный ветер, пригнал тѣмные тучи, ударил холодный хлѣсткий ливень. Путники укрылись под могучими дубами, но как ни прятались от дождя, он вымочил их до нитки, потому что шѣл весь день с короткими перерывами, гася разведѣнный в укромном месте костѣр. Плащи, поднятые на кольях, первое время укрывали мужиков, но скоро промокли и сочились длинными струйками. От них не было спасения. Василий и раньше

покашливал, продрог. Голос его закрипел, горло покраснело, а кашель усилился. Как только дождь стих, боярин наказал мужикам отыскать хорошее место и ставить балаган. Василий, видя задержку, было воспротивился.

— Князь, я головой отвечаю за твою жизнь,— сказал боярин,— однако дело не только в моей голове: я дал слово великому государю нашему привезти тебя к его стопам в добром здравии. Ты его наследник. Не твоя вина, что ты занемог, а моя. Недоглядел, не уберёг от дождя и ветра. Потому врачевать тебя буду, как умею.

— Не ропщи на себя, слуга мой верный. Что мог ты сделать против урагана, как мог укрыть меня от непогоды?

— Я никогда ничего не боялся. А ныне страх берёт. Не за себя боюсь, страх мой особенный. Просчитался, видать, я, пойдя на юг берегом Днепра. Надо бы повернуть на север, на Чернигов. Земли там русские, нашенские, опоры бы нашли. Зимнюю одёжку тоже. Главное— всё ближе к дому, к Москве.

Василий, собираясь высказаться, тяжело закашлялся, слёзы выступили у него из глаз. Пересилив себя, он смахнул рукавом зипуна слёзы и молвил: — Не ропщи на себя, боярин, отцом моим завещано тебе держаться молдавского княжества, наших собратьев по вере. Вот и исполняй завет без сомнения. — Там, в светлице Дмитрия Ивановича, не видно было, как лучше поступить. Потому казалось нам: это верный и безопасный путь. На месте виднее. Просчитался я!

Они сидели на покато́м берегу Днепра в дубовой роще. Холодные волны плескались близко, вея сыростью. Мужики нагребли кучу уже поблёкшей листвы, и боярин устроил на них тёплую лежанку Василию. Рядом, очистив песчаную землю от листвы, собрался развести жаркий костёр, накалить булжники, собранные мужиками, и устроить князю пропарку. Не мешало бы и самому прогреть нутро, кашель не меньше душит: видать, просквозило на ветру и дожде, ознобило.

Показались мужики с вязанками сухостойных хлыстов, толстых веток. Вскоре жаркий костёр запылал у ног князя. Потянуло дымом и жаром, заслезились глаза. Юноша утробно кашлял. Из носа сочилось мокро, он смахивал его тряпицей. Ивашка тревожно приложил руку ко лбу, пришлося.

— Жара будто бы нет. Счас пропарю тебя в походной бане, напою отваром мать-мачехи с подорожником, укутаю. Проспишься на мягкой лесной перине, чай, поутру встанешь здоровым! Недаром в народе эту траву матерью прозвали. Она словно мягкой рукой по нутру пройдёт, хворь убирая. А подорожник— что отец строгий, на страже стоит, копыями хворь колет.

Ивашка говорил, а у самого тревожно на душе: как опоздал он с баней, как не выгонит с одного

раза хворь? Дважды придётся отрока парить, а на дворе уж зима. Правда, снегу пока нет: Покров день был тих и светел, с солнышком, без дождя. По приметам, поздняя зима в э́ти края придёт, не суровая. Однако без тёплого крова занемогшему отроку не обойтись. Потому сразу, как разгорелся костёр, отправил мужиков ставить шалаш в дубраве, оставил с собой безъязыкого, самого смышлёного мужика, в помощники. Толстые хлысты и ветки горели жарко и долго. Поверх их накатали булжников не менее головы каждый, и слышно было, как пощёлкивает гранит от огня, отлетают раскалённые отщепы. Впору собирай их да вместо наконечников на стрелы прилаживай, как делали наши предки. Ивашка тут же преподал урок князю. Да, видно, понапрасну: болен, не до опыта древних. Однако пора и баню творить.

Боярин простелил на куче листвы попоны, велел садиться князю на них, да ноги— шире. Укрыл отрока пологом. Тот сбросил с себя исподнее, остался в штанах да сапогах, чтоб не ожечься. Накатали несколько горячих булжников на мокрые попоны. Сначала удушливый чад пошёл от них, отрок терпел, ожидая команды, чтобы окатить из баклаги горячие катыши да дышать глубоко, прогревать горячим паром внутренности. — Коли ушёл смрад от попон, наддай теперь, Вася, по голышам из баклаги.

Василий окатил валуны, они взорвались паром. Отрок вскрикнул от горячего удара в грудь, в лицо. Ничего, стерпел, в следующий раз поменьше брызнул. Задышал глубоко, как велел учитель. Сначала закашлялся, но быстро утих, пошли свободней мокроты из груди, из горла. Перестали шипеть валуны, боярин новые подобрал, подбадривая князя похвальными словами:

— Так-так, Васятка! Дыши глубже, чую, с Божьей помощью пробрал тебя жар, и мокроты легко выходят! Наддай, валунов много!— а сам читал молитву за здравие.

И отрок наддавал, выл и смеялся, сопел и откашливался.

— Всё, не могу больше, Ивашка. Упрел, голова пошла кругом.

— Пока посиди смирно, мы тут одёжку твою согрели. Оботрём тебя у костра, оденем в сухое да в попону завернём. Спи до утра. Хворь, Бог даст, выгоним!

Переобули, переодели в сухое и тёплое, укрыли Василия хуторским зипуном, пошли к шалашу. Мужики заканчивали стройку, нагребли внутрь большой ворох листвы. Простелив поверх потники, боярин усадил на них Василия, принялся поить его горячим отваром из трав.

— Мёда бы нам тусок, точно бы хворь прогнала,— сказал боярин.

Мужики согласно кивали головами, крестились, читали молитвы, желая отроку здоровья.

Василий от горячего отвара, укутанный в сухую одежду и зипун, снова пропотел, и боярин велел ему спать. В чѐм отрок не заставил себя уговаривать, смежил веки, и ровное дыхание сказало, что он уснул. Ночью к больному вернулся кашель, но не такой надрывный, а гораздо мягче, с обильным выделением мокрот. Боярин отметил улучшение, вновь напоил отрока горячим отваром трав, но баню решил повторить, да и самому не мешает прогреться.

Стоянка растянулась без малого на неделю. Мужики ловили рыбу в реке, били водоплавающую дичь, собирали жѐлуди, орехи, пополняя кормовой запас. Лошадей пасли стреноженными, чутко прислушиваясь к окрестным звукам, готовые в любую минуту сняться и удариться в бега. Снялись на шестой день рано утром, а на Днепре появились первые ломкие забереги. Через неделю хода открылось море Чѐрное. Долго смотрели на морскую ширь, слушали шум прибоя, крики чаек, а сердца млели от неизвестности будущих дней похода.

Зимой князь Василий ступил на молдавскую землю вместе с боярином Иваном. Об этом событии, важном для Москвы, скупо сообщает русский летописец: *«Того же году княз Василий, великого князя сын Дмитриевъ прибеже из Орды в Подольскую землю в великие волохы к Петру Воеводе...»*

В хоромах воеводы

Молдавский господарь Пѣтр Мушат принял князя Василия и боярина Ивана по прозванью Быстров на второй день после прибытия в Сучаву. Беглецы отмыли в бане многомесячную грязь с тела, досыта наелись и выспались. Предстали перед господарѐм посвежевшие, облачѐнные в молдаванскую сряду. Но молодого витязя душил кашель, боярин вторил ему тем же. Как бы не надорвал отрок нутро. Чай, придѣтся осесть в Сучаве, лечить князя.

Тронный зал особой роскошью не блистал, но выглядел достаточно богато — с мраморным полом, устланным персидскими коврами, с иконами византийского письма, узкими, но высокими окнами.

После взаимного приветствия и пожелания долгих лет жизни, благополучия господарь, поглядывая на отрока, сдерживающего кашель, интересовался здоровьем великого князя Дмитрия Ивановича, Куликковской битвой и особое сожаление высказал пожаром Москвы ханом Тохтамышем. — Успешен ли будет поход хана в Персию? Нам от этого прибыли никакой. Однако каждая брань ослабляет, а то и разоряет, — размышлял господарь. — Важно, как посмотрит на вторжение своего выкорыша Тамерлан.

— Кому понравится чужой козѐл в огороде? — сказал Василий.

Господарь улыбнулся словам юноши, одобрительно кивнул головой.

— Вражда в стане врага всегда нам на руку, — заметил боярин.

— Верные слова, — оценил реплику господарь. — Когда дальше в путь собираетесь? Жаль, посланники великого князя Московского удалились восвояси.

— С позволения государя Молдовы, надо бы окрепнуть князю Василию, отощал больно в пути, простудился, а на дворе зима. Мужиков наших тоже обуть-одеть, откормить, снарядить да и выступить дальше через литовские земли. Дмитрий Иванович в долгу не останется, — молвил боярин. — Посланники оставили достаточно серебра, чтобы выполнить вашу просьбу. Отдыхайте, набирайтесь сил, в путь снарядим по-княжески.

Думы князя Витовта

Литовский князь Витовт Кейстутович в 1386 году пребывал не в лучшем расположении духа. Он, сын соправителя великого князя Литовского Ягайло, его двоюродный брат, год от года терял надежду захватить верховную власть. Находясь при смерти, Ольгерд завещал великокняжеский трон младшему сыну Ягайло, весьма смыслѐному и, как оказалось, успешному. На трон Литвы претендовали менее популярные родные братья Ягайло — Скригайло и Свидригайло. И лишь на третьих ролях находился Витовт. Противостояние обострилось после гибели Кейстута в междоусобной войне с Ягайло. За жизнь Витовта никто бы не дал даже ломаного денария. Опальный князь вынужден был бежать из Гродно и скрываться в Пруссии. Однако жизнь не стояла на месте, и ничего вечного не могло быть. Витовт выжидал удобного момента, чтобы с помощью политических интриг вернуться на родину и отвоевать власть. Желанные события надвигались: умер польский король Людовик, оставив единственную наследницу — дочь Ядвигу. Польская шляхта видела в Ягайло сильного властителя и предложила жениться на принцессе. Великий князь согласился, свадьба состоялась. Вскоре, став королѐм, Ягайло заключил союз между Польшей и Литвой, подписав соглашение в замке Крево.

Наместником Литвы король избрал своего брата Скригайло. Хорошо зная слабые деловые качества брата, Ягайло оставался фактическим правителем Литвы, которая быстро подпадала под влияние шляхты, теряя свою самостоятельность. Это не нравилось литовской знати. Витовт, как дальновидный политик, тонко чувствовал настроение своих знатных сограждан, вернулся из Пруссии в своё княжество. Как прямой наследник Кейстута, он быстро стал выразителем интересов литовской знати на завоевание независимости. Предстояла нелѐгкая борьба за великокняжеский трон. Одним из шансов была опора на многочисленных русских бояр, которые также не желали

польского могущества, что в конечном итоге принесло успех Витовту. Самая надёжная мера для укрепления связей с Московским великим княжеством — породниться, выдать единственную дочь Софию за сына Дмитрия Донского — Василия, как будущего преемника. Витовт мечтает о сближении с Дмитрием Ивановичем, но узнаёт, что Василий вот уже три года находится в заложниках Тохтамыша. Казалось бы, тщательно продуманный ход к воцарению ведёт в тупик.

И вот невероятная весть! Гонцы извещают, что сын Дмитрия вошёл в земли литовские и под охраной молдавских всадников вместе с митрополитом Киприаном, движется якобы в гродненские владения. Не мешкая, князь выслал навстречу путешественникам конный хорошо вооружённый отряд с наказом привести их в Гродно. Сам же пошёл в светлицу дочери, чтобы подготовить девушку к встрече с юным князем Василием — наследником Дмитрия Донского.

И горестно, и скучно

В дорогу через литовские земли на Смоленск собирались двинуться в весеннюю ростепель. Господарь Молдавский давал надёжную охрану под княжескими хоругвями. Опасность быть полонёнными татарами — минимальная. Нет их теперь в дружеских литовских землях. Разве что небольшой, но лихой набег вырвется из Крыма. Вероятность мала не только от удалённости, но и от безлюдия. Войско Тохтамыша находится в пределах персидских, слышно, разорению подвергся Тебриз, и вновь Золотая Орда объявила его своей вотчиной.

Не суждено было выступить отряду во главе с боярином: разболелся, сердешный, лёгкими. Кашель кровавый душил славного слугу князя. Снадобья греческого лекаря не помогали. Чах на глазах боярин Быстров.

— Простит ли меня великий князь за то, что не доставил на крыльцо сына его, а кто-то иной окажется на моём месте? Простит ли меня Господь за слабость мою телесную? — говорил боярин Василию. — Беда, поручиться не на кого. Нет знатного да преданного среди мужиков наших. Только на господаря Петра уповаю надеждой.

— Видит Господь, не виноват ты, боярин, в своём недуге. Меня спалот от простуды, — в который уж раз успокаивал его отрок. — Долг свой исполнил сполна. В безопасном месте мы, под надёжным крылом.

В палаты залетали весенние запахи. Настоянный на цветущих садах воздух будоражил сознание больного. Он готов был тронуться в путь, как-никак в тарантасе, не верхами, не пешком. Но грек определил состояние его тяжёлым, сказав, что дорога быстро унесёт силы боярина. Не дотянет до Москвы, придётся предавать земле боярина

на чужбине. Господарь Мушат решил не торопиться и дожидаться развязки. Тут пришла весть, что через Сучаву из Константинополя будет двигаться в Литву митрополит Киприан. Знал он Василия до пожара Москвы, когда был митрополитом Московским и всея Руси. Остановится в Сучаве по церковным делам. Дождаться бы надо Киприана, послушать, что посоветует, а тогда решать, как поступить дальше.

Митрополит прибыл в Сучаву на исходе весны. Признал Василия, увидев его почти взрослым, и тут же выстроил для себя планы укрепления православия в Литве. Юный князь сыграет немалую роль. У Витовта есть такая же юная княжна. Потому с жаром стал убеждать Петра Мушата отправить с ним в Литву князя Василия. Пусть и окольный то путь, но надёжный. Защита от лихих людей, коих немало водится во всяких просторах, хорошая.

Василий принял предложение старших, но покидать своего друга и учителя не хотел. Дел в Сучаве у митрополита нашлось много, и за их исполнением незаметно ушла весна, а вместе с нею истаяла и жизнь боярина Ивана Быстрова. Обрядили, отпели воина и слугу великого князя Московского, предали земле с великими почестями. Долго убивался утрате юноша, да жить надобно дальше.

Ничто теперь не мешало собираться в дорогу. До вотчины князя Витовта около восьмисот вёрст. Путь нештучный, но далёк от той опасности, что постоянно висела над беглецами в землях, подчинённых татарам, не говоря уж о расстоянии, которое дважды по столько. В распоряжении князя карета, верховые лошади для разминки, пища и ночлеги в ямах и постоялых дворах. Да опека митрополита Киприана. Правда, дошли слухи и до Сучавы, что нелады у Витовта с новым королём Польши Ягайло, укрывается от его немилости претендент на литовский престол в Пруссии. Но и иная молва ходит: не желают бояре никого иного в наместники, кроме Витовта. Он — выразитель их дум на независимость Литвы. Митрополит Киприан чутко уловил настроение литовской знати и тоже видел в лице Витовта борца за независимость Литвы и укрепление в ней православия. Как бы то ни было, а Киприан заспешил в Литву в надежде поддержать Витовта и навязать ему мысль на прочный союз с Москвой через брачный союз Василия и Софьи.

Василий, далёкий от планов митрополита, горевал по утрате, вспоминая пройденный опасный путь. Эх, не та романтика нового путешествия! Никто никогда не заменит боярина Ивашку. Какой силы был молодец, ума, мудрости и сноровки! Не уберётся, его спасая от простуды, захворал. Князю не в радость предстоящее путешествие без борьбы и волнений. Лучше бы остался в живых

Иван, и пошли бы снова своим ходом. Края тёплые, земли щедрые, опасности мелкие.

Перегоны от яма до яма длинные, князю неинтересные. Юноша часто покидал крытую карету, садился верхом на жеребца и гнал впереди отряда вместе с безъязыким мужиком. В карете к Василию подсаживались то учёный дьяк, просвещая его в науках, то грек, обучая светским манерам поведения.

Княжна Софья

В светлице княжны Софьи сдержанный переполох. Девуцу одевают для встречи с московским княжичем Василием — наследником стола великого Московского и Владимирского княжества. Папенька так и сказал: «Покажи себя во всей девичьей красе, чтобы у юного князя загорелось желание породниться. С Москвой наше будущее могущество, на неё обопрёмся».

Софья от такой речи затрепетала, сердце от волнения готово выскочить из груди. Каков собой молодец? Русские люди статны, белокуры, с голубыми глазами, под стать нам. Смелы и богаты. Единоверцы. Слышно, Ягайло, став польским королём, насаждает католичество. Народ не желает менять веру, ропщет. Вот папенька и решил воспользоваться недовольством людей да бороться за веру, за свободу от польского владычества.

Софья рада угодить папеньке, коль решил выдать за московского наследника. Но будет ли счастье в далёких, незнакомых краях, полюбит ли Василия, приглянется ли ему сама? Романтическое сердце девушки трепетало от тех скупых рассказов о Василии, что прорывались к ней в светлицу из уст маменьки и верных слуг. Отвагой наделён юный князь, бежал вместе со своим верным слугой из ордynского логова, где отсиживал в качестве заложника годы. Как же удалось одолеть великое земное пространство, хоронясь да оглядываясь? Такого человека нельзя не полюбить. И она уже заочно любила, ожидая с нетерпением встречи. Дни тянулись томительно, и неразрешимые вопросы не забывались.

Наконец под вечер ворота княжеского замка распахнулись, и Софья увидела всадников, крытый тарантас с церковными хоругвями и стягами. Тарантас остановился у княжеского крыльца. Софья видела, как из него вышел митрополит Киприан, за ним кто-то из церковных сановников и следом выскочил среднего роста светловолосый молодой человек в красных сапожках, в богатой одежде, при дорогой сабле. Всколыхнулось сердце. Он!

Досада. Далеко девичье окошко от крыльца, лица не разглядеть, а папенька не велел до поры показываться. Молодого витязя тут же окружили слуги, спешившись с боевых лошадей. Кто из них главный, кто самый верный? Любопытство

княжны уместно. Всё ей хочется знать об отважных людях!

И вот кличут Софью. Всей семьёй решено встречать юного московского гостя. Она давно уж собрана и находится в трепетном ожидании. Забегали вокруг девушки, осматривая наряд: не сбилась ли юбка, не расплелась ли коса, не съехала ли шляпка? Всё ладом на юной княжне, и ланиты горят румянцем, и светлые глаза, что озёрушки, широко распахнуты, так что может утонуть в них молодой князь.

Московского молодца встретили у крыльца княжеского дворца, преподнесли хлеб-соль. Митрополит Киприан благословил встречу хозяина замка с наследником великого князя Московского, пророкотав сочным голосом, осеняя крестом:

— Благословенен путь ваш, дети мои, да светлы ваши помыслы во благо веры православной, аминь.

При первом знакомстве Василия и Софьи увидели, а особенно те, кто хотел, — князь Витовт и митрополит Киприан, — что вспыхнули глаза у Василия и не погасли до самой последней минуты раута, а Софьюшка в смущении опустила глаза долу, и румянец залил её щеки. Знать, приглянулись молодые друг другу. Теперь оставалось укрепить вспыхнувшие чувства нечаянными встречами в саду, совместными прогулками, обедами за семейным княжеским столом, тонкими намёками на помолвку. Затем возвращение отрока в отечество, под крыло отца и семьи. Тогда можно вести речь о союзе молодых, как и об укреплении союза с Москвой.

Шёпот и взгляды

Если бы Василий мог наблюдать за собой со стороны в день перед побегом и теперь, в день новой встречи с дочерью князя Витовта Софьей, то непременно бы поразился своим переменам. Уходил ночью в степь отрок с ломкой фигурой, с нарастающей горячностью, малоопытный в делах, но с неоглядной верой в удачу. Теперь перед девушкой стоял стройный, почти сформировавшийся юноша, за плечами которого путь по диким просторам длиною почти в год, закалённый и умудрённый бытом и делами путешественник, возлагающий на себя немалую ответственность за безопасность жизни. На лице молодца написана строгая сдержанность, подавляющая порывы души. И всё же в глазах юноши, уже умеющих скрывать искренность, отразился сердечный восторг от встречи, который был пойман как князем Витовтом, так и митрополитом Киприаном, когда Василий и Софья оказались вместе незадолго до бала. Его давал князь в честь московского наследника.

Одетая в шелка, с россыпью драгоценных камней и колье, тоже голубоглазая и пышиноволосая, в красных на каблуках сапожках, видных из-под низкой юбки, девушка подала маленькую белокожую руку. Василий подхватил её и галантно, как

учил Быстров, склонился и прикоснулся губами. Он чувствовал, как лицо его предательски запылало, а возвращая фигуру в прежнее положение, оно не успело потухнуть, и опять князь Витовт и Киприан уловили перемену и переглянулись между собой. И тут же поспешно оставили молодых людей наедине.

— Княжна, я удивлён и рад встрече,— тихо сказал Василий, не давая больше торжествовать наблюдателям.— С твоим появлением бал должен начаться, но я не умею танцевать, потому что был в неволе, и готов брать у тебя уроки.

— Князь,— тихо отвечала юная красавица,— я не менее удивлена и готова прямо сейчас преподавать простейший танец. Обучить легко.

— Не будем смущать моей неловкостью в танцах наших отцов-покровителей, к тому же я не очень пока привык к княжеской дорогой одежде.

— Хорошо, князь, начнём же бал, а я прикажу принести нам сладости— любимое прусское мороженое.

Княжна махнула кому-то рукой, затем подала знак оркестру. Музыка загремела, и собравшиеся молодые люди закружились в танце.

Василий в самом деле чувствовал себя неловко в сшитом по заказу хозяина замка дорогим и изящном костюме. Накидка поверх синего камзола казалась ему слишком длинной и, схваченная на груди инкрустированной прищепкой, грозила вот-вот свалиться с плеч, отчего юноша невольно и часто хватался за неё рукой. Цирюльник усердно потрудился над его причёской, и локоны золотистой волной падали на плечи и спину, зажигая в глазах Софьи огонь восхищения.

Принесли мороженое в хрустальных стаканчиках. Василий смотрел на них с диким выражением лица.

— Я и не помню, едал ли я у бабушки мороженое,— сказал он с достоинством.— У хана такого блюда не знавали.

— Князь, следуй моему примеру, я всему научу,— она взяла со столика стаканчик и стала орудовать золотой плоской ложечкой, отправляя в рот мороженое маленькими порциями.

Василий последовал примеру княжны, находя отменный вкус у сладостей. Покончив с мороженым, Василий и Софья дождавшись, когда музыка стихнет, вышли к разгорячённой быстрым танцем публике. Перед молодой парой появился распорядитель и громогласно объявил:

— Дамы и господа— наследник великого князя Московского князь Василий и княжна Софья! Прошу любить и жаловать!— и, сделав низкий поклон, отступил в сторону.

Со всех сторон раздались аплодисменты. Загремела музыка, и Софья сказала:

— Это очень простой танец, смотри и запоминай движения. И мы попробуем.

— Нет-нет, только после твоего урока,— решительно возразил Василий и, помолчав, добавил:— Да, очень простой танец, я быстро выучусь.

— Что ж твой боярин не научил тебя танцам в Сучаве?

— Он отличный воин, верный друг, но не балетмейстер. Спасибо ему, что научил меня грамоте, меткой стрельбе из лука, фехтованию, рукопашному бою и всему, что пригодилось в походе. Его преданность велика, как и любовь ко мне, к родине, но, спасая меня, он простудился сам, заболел лёгкими. Я похоронил боярина на молдавской земле с великими почестями. По сей день скорблю об утрате.

— Друг мой,— Софья взяла руку юноши в свою, сжала,— вижу, скорбь твоя велика. Прости меня, что своими словами растрожила твою душу. Преданных людей особенно жаль.

Василий с благодарностью слушал девушку, и его юная, но уже закалённая невзгодами душа наполнялась неизвестным доселе теплом, которое томило сердце и подталкивало к ответному рукопожатию.

На следующий день Василия привели в танцевальный зал, где вместе с Софьей находился поджарый и уже немолодой учитель танцев. Девушка после приветствия юноши отпустила учителя и сказала:

— Смотри, князь, как делается первое па,— девушка показала, продолжила:— Затем поворот вправо, прямо. И под музыку!

Она подхватила руку Василия, музыка заиграла, и пара пошла, сначала неуверенно, затем заскользила по паркету более плавно. И через несколько упражнений князь сам вёл девушку в танце.

— Князь, ты способный ученик. К следующему балу выучишься всем танцам и не будешь уступать никому. А сейчас, с позволения папы, проведу тебя по аллеям нашего парка, и садовник угостит нас сочными яблоками, кои привезены из Молдавии и прижились в нашем саду.

Молодые люди, пылая от счастья общения, убежали в сад и долго прогуливались наедине, не обращая внимания на то и дело появляющегося неподалёку садовника или фрейлину княжны. Василий рассказывал Софье о своём путешествии, девушка с интересом слушала. Голос юноши глубоко западал ей в душу, и порой она с трепетом сжимала его руку, а Василий, в свою очередь, чутко ощущал этот трепет и без сопротивления пропускал его в своё сердце.

«Сын наш едет!»

Минула макушка лета, а отъезд из Литвы затягивался. Василию приятно ощущать интерес к себе не только Софии, но и самого князя Витовта, митрополита Киприана. На обедах он занимал почётное место сразу после митрополита. С ним,

как со взрослым, вели разговоры о науках, посвящали в политику соседних государств. Слушали его ответы об устройстве Золотой Орды.

— Война Тохтамыша с Тамерланом нам на руку, — высказывал мнение Василий. — Благодаря ей нам удалось бежать с боярином Быстровым. Пусть увязнет хан в этой войне. Силы его поубавятся, и нам легче сносить его ярмо.

Князю Витовту нравились здравые суждения юноши, он видел в нём достойного наследника Дмитрия Ивановича и всё больше утверждался в мысли о выдаче дочери за Василия и укреплении союза с Москвой.

Вернулся нарочный, посланный в Москву князем Витовтом, и сказал, что великий князь Дмитрий Донской молится за милость, оказанную его сыну, и с нетерпением ждёт его возвращения. В тот же день начались окончательные сборы, и на следующее утро Василий, сопровождаемый княжеским эскортом, отбыл из Гродно в направлении на Смоленск. Предстояло покрыть почти девятьсот вёрст.

Провожать в далёкий путь Василия собралась вся знать Витовта. Софья стояла грустная. Митрополит кадил долгий путь, а на прощание сказал: — Вижу, дети мои, любы вы друг другу, перед разлукой благословляю вас на счастье, — и осенил будущую супружескую пару своим крестом.

Сердечно попрощавшись с князем Витовтом, Софьей и отвесив поклон боярам, Василий вскочил на подножку кареты, и тройка лошадей тронула.

Нарочный гонец гнал на перекладных от Смоленска с радостной вестью. Он знал, что юный князь мало отстанет от него в пути, поскольку достиг родной земли и всем сердцем стремится обнять

отца своего и мать, порадовать своим возвращением. Великий князь находился в тронной палате, разбирая с боярами и князьями наболевшие вопросы, когда услышал шум и возгласы нарочного: — Едет, едет сын наш и наследник!

В Кремле всполошились, ударили колокола собора. Их весёлый перезвон сообщал москвичам добрую весть, которую ждали со дня на день.

На высоком крыльце стоял дородный великий князь Дмитрий Иванович, плечи его были широки и круты, на загорелом молодом лице играла сдержанная улыбка, глаза светились радостью. Вокруг него толпились его многочисленные дети, рядом стояла, едва сдерживая себя, чтобы не побежать навстречу сыну, великая княгиня Евдокия.

Василий выскочил из кибитки, едва она остановилась чуть поодаль от крыльца, и бегом пустился к родным, чтобы обнять отца и мать после долгой разлуки. Со слезами целовались. Василий сначала припал к широкой груди отца и сопел от избытка чувств.

— Смотрите, люди добрые, каков сын наш высок да пригож, в ногах крепок, в плечах широк. А уходил-то в неволю мал-мала, — и оторвал Василия от груди, как бы показывая его толпившимся рядом боярам и князьям, передал великой княгине.

Та ухватила сына, прижала к своей высокой груди, и слеза счастья блеснула на глазах, скатилась в кудри Василия горячим бриллиантом.

Долго не потухал порыв счастья на великокняжеском крыльце, и когда юный князь был всеми обласкан, отец повёл сына в трапезную.

— По старинному русскому обычаю, гостя прежде напои, накорми, в баньке попарь, а тогда распрашивай, — сказал Дмитрий Иванович и жестом пригласил придворную знать трапезничать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. 3.
2. *Бородин С. П.* Дмитрий Донской. М., 1961.
3. Великий князь Василий I. Википедия.
4. Василий I — биография.
5. Василий I. Энциклопедия «Кругосвет».
6. Витовт. Википедия.
7. Витовт — великий князь Литовский. Интернет.
8. *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. Интернет.
9. *Иванин М.* Поход Тамерлана в Золотую Орду против Тохтамыша в 1391 г. Сайт «Татарский мир».
10. *Лоциц Ю. М.* Дмитрий Донской. М. Роман-газета. 1989.
11. Пётр I Мушат. Интернет.
12. Повесть о разорении Рязани Батыем. Древнерусские повести. М. 1979.
13. Повесть о нашествии хана Тохтамыша и взятии им Москвы.
14. Река Урал в нижнем течении. Интернет.
15. Синяя Орда. Википедия.
16. Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича.
17. Сказание о Мамаевом побоище.